

искорка

Посвящается памяти
Тани САВИЧЕВОЙ

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ!

Слова ученицы
Тосненской средней школы
Вали Румянцевой

Музыка Б. Грабовского

Охраняет луна
Засыпающий город,
А вокруг тишина
Беспощадна, как голод.

Ой, как страшно одной
В этой злой тишине!..
Таня слабой рукой
Тихо пишет во тьме:
«Очень хочется жить!
Очень хочется жить!..»

Где-то воем снаряд,
Где-то вьюга гудит...
Всё равно Ленинград,
Ленинград победит!

Таня пишет опять:
«Я осталась одна.
Ленинград не сломить!»
И пониже строка:
«Очень хочется жить!
Очень хочется жить!..»

Охраняет луна
Засыпающий город,
А вокруг тишина,
тишина...

Adagio.

f *rit* *a tempo* *pp*

Охраняет Лу на засыпа.ю.щий го. род. А во.

круг ти. ши. на, ти. ши.

на, беспо. щадна, как го. лод. Ой, как

страшно одной в этой злой ти. ши. не! Таня слабой ру.

кой тихо пишет во тьме:

«Очень хочется жить! Очень хочется жить!»

dim pp

А. ПЕТРОВ

Мы помним

Мы — дети блокады,
Мы помним её:
Как рвали снаряды
Людей и жильё.

Как кованный обруч,
Блокада легла,
Но наших сердец
Заковать не могла.

Мы знали, что папы
Придут издалёка
И спросят о наших
Делах и уроках...

Под Невской
Дубровкой,
Под станцией Мга
Команда: «В атаку!» —
Бойцов подняла.

На приступ под
Волховом
Поднял бойцов
Седой комиссар,
Майор Одинцов.

Ложился снежок
На горячие лбы,
Земля поднималась,
Как конь, на дыбы.

Три ночи, три дня
Неуёмные кряду
Бойцы пробивали
Стальную блокаду.

Настал восемнадцатый
День января.
Мы помним его,
Как азы букваря.

январь • 1972

год издания XVI

газета
«Ленинские
искорки»
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

* * *
 Режу хлеб, сыпаю крохи
 В горстку с белых
 скатертей.

За спиною слышу вздохи
 Старой матери моей.
 Мама, мама, помнишь

пайку
 В детской тоненькой руке—
 Наших душ святую спайку
 В том далёком далеке?
 Там Нева седым-седая
 Белой корюшкой у ног.
 Мама, мама дорогая,
 Есть всему на свете срок!
 Срок войне,
 И срок победе,
 Срок сединам —
 Их не счесть.

Ну-ка, старенькая, скинем
 Лет по тридцать в нашу
 честь.

Распрямимся да разгладим
 Сеть морщинок возле глаз.
 Мы всяк час с тобою ладим
 Нашу жизнь не напоказ.
 И теперь, сыпая крохи
 В горстку с белых

скатертей,
 Понимаю: эти вздохи,
 Память тех блокадных
 дней.

Рис. П. Вискова

Вл. ДМИТРЕВСКИЙ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

БЕЛАЯ ЛИСА шагал по Большому проспекту Петроградской стороны. Августовское, уже чуть остывающее солнце, юркнув за крыши зданий, раскрыло по небу гигантский малиновый веер. Над его кромкой висело несколько облачных дирижаблей, наполовину белых и наполовину розовых.

Рабочий день давно кончился, но на проспекте было совсем мало прохожих. Белая Лиса неизменно перегонял их и, занятый своими думами, вовсе не замечал, что они провожают его любопытными взглядами. Нет, его вьющиеся рыжие волосы не скрывались под убором из орлиных перьев, на поясе не висел томагавк и на ногах не было мокасин из бизоньей кожи, затейливо вышитых разноцветными иглами дикобраза. Обыкновенные и весьма поношенные полотняные туфли, старательно почищенные мелом! И всё же наряд Белой Лисы резко отличался от более чем скромной одежды петроградцев 1921 года. На нём были короткие, по колено штаны защитного цвета, которые теперь именуются шортами, и такого же цвета гимнастёрка с отложным воротником и двумя вместительными карманами на груди. И зелёный платок на шее, точно такой, какой носит Вильям Харт, знаменитый герой ковбойских фильмов, конкурирующий популярностью среди мальчишек с самим Гарри Пилем.

Белая Лиса шёл на очень важную встречу. Так ему, во всяком случае, казалось.

Только что вышедшая из страдной военной поры молодая республика, с разрушенной экономикой, по существу совсем нищая, с неисчислимыми жизненно важными задачами, решать которые надо было немедленно, буквально сию же минуту, не имела ещё сил вплотную заняться вопросами воспитания детей. Им, конечно, отдавался последний кусок хлеба, Совнарком был озабочен приведением в порядок школ, детских домов, в Наркомпрос направлялись самые светлые головы большевистской партии, такие, как Анатолий Васильевич Луначарский, Надежда Константиновна Крупская, но... на организацию детской самостоятельности просто не хватало рук.

Что касается Российского Коммунистического Союза Молодёжи, созданного менее трёх лет тому назад, то ему предстояло ещё навести порядок в работе с молодёжью и нацелиться на выполнение задач, поставленных перед комсомолом В. И. Лениным в его речи на III съезде РКСМ.

Белая Лиса свернул на Гулярную и зорким взглядом следопыта искал номер нужного ему дома. Размышления его во время пешего похода от Нижегородской на Выборгской стороне до Гулярной были, прямо скажем, не весёлыми. Он уже кое-что слышал о юках — отрядах юных коммунистов в Одессе, — и даже создал юковский отряд при Политехническом институте. Но это только территориально. А по существу, отряд был ни при ком. Казалось

бы, хозяин нашёлся: Главное управление всевобуча во главе с Николаем Ильичом Подвойским и его отделы и отделения военных комиссариатов на местах. Работники всевобуча, суровые комиссары гражданской войны, в принципе не возражали взять под своё крыло военизированные группы подростков, называвших себя отрядами юков. А почему бы и нет? Ребята занимаются маршировкой, ходят в походы — это уже зачатки всевобуча. Но вникнуть поглубже в смысл, в содержание работы этих мальчишек, именовавших себя юками и носивших короткие штаны и цветные платки на шее, у суровых комиссаров не было времени.

Вот и получилось, что под крылом добрых, но очень занятых дяденек из всевобуча рядом с настоящими юками стали плодиться и набирать силу всякого рода скаутские группы, восстановленные к жизни усилиями петроградских скаут-мастеров Собинина, Чацкого, Хабарова, Пискуновой. Они, ехидно посмеиваясь при этом, именуя свои отряды тоже юкскими, и присваивали им тайно названия вроде «Золотая лилия» или «Мчащиеся по следу».

По какому следу «мчатся» юные коммунисты? Почему на полотнище знамени юков золотая лилия — символ династии Бурбонов и знак принадлежности к скаутской организации? Всё это тревожит, вызывает недоумение. Но с кем посоветоваться? К кому обратиться?

Удивительно одиноким чувствовал себя Белая Лиса. Одиноким и беспомощным под требовательными взглядами мальчишек из созданного им отряда юков.

Поэтому информационный бюллетень штаба РОЮР, который он вдруг получил на свой домашний адрес, стал для него той самой соломинкой, за которую якобы хватаются утопающие. Какая-то Российская организация юных разведчиков. И у них есть свой штаб. А во главе штаба некий Валентин Цауне. Цауне... Цауне... Гм... Что-то я о нём раньше не слышал. Во всяком случае, скаут-мастера с такой фамилией в Петрограде не было.

Решил с ним встретиться, а так как в бюллетене был указан адрес Цауне, то Белая Лиса послал ему открытку, в которой просил назначить день и час встречи.

Прежде чем надавить кнопку звонка, он минуту или две простоял на площадке. Слушал. За дверью, в которую он должен был войти, кто-то играл на рояле «Утешение» Листа. И играл хорошо, очень своеобразно. «Лучше, чем мама», — подумал Белая Лиса и надавил кнопку.

Дребезжание звонка вошло в ткань льющих серебристых звуков и безжалостно оборвало их. Где-то в невидимой глубине возникли чёткие шаги, приблизились и замерли за дверью. Она распахнулась.

— Если не ошибаюсь, вы — Белая Лиса? — спросил юноша. — Пожалуйста, входите. Я ждал вас. Сейчас ровно шесть.

Белая Лиса подбросил правую руку к плечу в полусалюте.

— Константин Ольхин, — представился он.

— Валентин Цауне. Рад встретиться с вами. Нет, не сюда... А вот это — моя комната.

Костя увидел открытый рояль.

— Это вы играли Листа?

Продолговатое лицо Цауне порозовело. Он пренебрежительно махнул рукой.

— Так... Пустяки. Садитесь, Костя. Вы, надо полагать, скаут-мастер?

— Бывший, — сказал Костя — Меня в своё время отторгли от белой лилии. Навечно. Как нарушившего... Теперь я просто начальник отряда юков.

— А что вы нарушили, если, конечно, не секрет? — поинтересовался Цауне.

— Участвовал в гражданской войне. На стороне красных.

— Ого! Значит, мы с вами договоримся.

— А о чём мы должны договориться? — осторожно спросил Ольхин.

Скупно улыбнувшись маленьким, чуть сжатым ртом, Цауне пожал плечами:

— Вам виднее. Это же вы пожелали встретиться со мной.

— Меня интересует РОЮР. Что это за организация и кто её создал?

Серьёзное, даже чуть хмурое юношеское лицо вновь залила нежно-розовая краска.

— РОЮР — Российская организация юных разведчиков... — И после короткой паузы с гордостью: — А создал её я.

— Вы тоже бывший скаут-мастер? — быстро спросил Костя.

— Нет. Был скаутом первого разряда. Но это — глубокая древность.

— Понимаете, Валя, мои юки остались без хозяина. Мне кажется, что затея эта никому не нужна... Но почему мы на «вы»? Лучше на «ты»!

Цауне на секунду задумался.

— Ну что же, на «ты» как на «ты». Я слушаю тебя, Костя.

— Эх, — горестно сказал Костя и по привычке потянул себя за кончик носа. — Собственно, и рассказывать нечего. Сплошной мрак. Скауты после революции владут самое жалкое существование. Думаю, они никому не нужны. А скаут-мастера вроде нашего обожаемого Собочки ловчат, как могут. Приспосабливаются, прячутся от железных ветров революции и...

— Постой! Ты сказал — железные ветры революции... Это очень здорово! Железные ветры... Железные ветры... Та-та-тара...

И вдруг вскочил — высокий, узкоплечий, прямой, — перешёл комнату, подсел к роялю, бросил на клавиши руки с длинными тонкими пальцами, и тотчас же в комнате загулял, наполнил её всю каскад грозных металлических созвучий...

Цауне играл минуты две-три... Встал и тыльной стороной руки стёр крошечные капельки пота, выступившие на лбу.

— Прости, пожалуйста... Но ты сам виноват: я явственно услышал порывы грозного ветра.

— Так ты импровизируешь! — удивлённо воскликнул Костя.

— Оставим это. Ты говорил о поведении наших скаут-мастеров. Кстати, Собинина я немного знаю. Чем-то он мне напоминает Новицкого.

— Ты и его знал? — спросил Костя. — Видная фигура в нашем скаутском движении.

Цауне скривил рот в гневной усмешке:

— Господина Новицкого я знал неплохо... И, полагаю, рассчитался с ним сполна. Но об этом расскажу после. Если, конечно, тебе интересно...

— Еще бы не интересно! Но пойми, Валя, мне не по пути с Новицкими и Собиниными... Я совсем иначе представляю себе задачу нашей работы с детьми. Надо в старые мехи влить молодое вино, и тогда...

— Но оно может прокиснуть, — возразил Цауне. — И мехи должны быть совсем новыми. — И, поймав вопросительный взгляд Ольхина, с важностью пояснил: — Они уже созданы. Это РОЮР.

— А в чём же принципиальная разница? — простовато спросил Костя. — Если помнишь: «бой скаут» — «мальчик разведчик». Можно и юный разведчик. Российская организация юных разведчиков. Ну, а если Российское общество мальчиков разведчиков, сиречь бой скаутов?

— Извини, пожалуйста, Константин, — нахмурился Цауне. — Это уже чистейшее фокусничество. Дело не в точном переводе с английского, а в том, что ни адмирал Бострем, ни Пантюхов не имеют никакого отношения к РОЮРу. Мы создали его сами, мы — революционные подростки Петрограда.

— Но то же самое можно сказать и о юках, — возразил Ольхин.

— Ты ошибаешься. Ваши отряды можно сравнить... ну, скажем, с кустиками лесной земляники: появляются там и здесь, где прогревает солнце. А РОЮР — садовая клубника. Целая плантация. За РОЮРом будущее, и если ты чувствуешь себя одиноким и непонятым, иди к нам. — И добавил чуть выпрепно: — Под синие полотнища наших знамён.

Белая Лиса, привыкший к осторожности и выжиданию, задумался. Ему явно нравился этот сосредоточенный и не по летам сдержанный юноша. Но что это за детская организация, которую он возглавляет? РОЮР... Почему я о нём ничего не слышал?

— А когда организовался этот твой РОЮР? — спросил он после длительной паузы.

— Ровно год назад, — последовал быстрый ответ.

— Здесь, в Петрограде? А при ком?

— Так ты ничего не знаешь? — удивился Цауне. — Это же целая история...

— Я был на фронте...

— Ох, прости, пожалуйста... Да, да, конечно, не до того тебе было... Так вот, Костя, — Цауне встал, подошёл к карте полушарий, прикреплённой над письменным столом, и ткнул пальцем в синеву Тихого океана. — Не в Петрограде, а вот здесь.

Костя вытаращил глаза.

— В Тихом океане... Вот это да, — пробормотал он.

Валя наслаждался произведённым эффектом.

— Добавлю, что это произошло на борту... Чтобы окончательно сразить тебя, следовало бы сказать — «Наутилуса». Но обошлось без капитана Немо! На борту «Иомей Мару». Точно год назад.

ВЕСНОЙ 1918 года тысяча детей голодного Питера была отправлена на лето в местечко Миасс, что недалеко от Златоуста — под Кармитаиз.

Мятеж корпуса пленных чехословаков, спровоцированный контрреволюционерами, поставил в тупик руководителей детской оздоровительной колонии. Обратный путь в Петроград перерезал ещё один фронт гражданской войны. Что делать? Как поступить? Нельзя же переправить тысячу детей через линию фронта! И вдруг на помощь приходит американский Красный Крест. Несмотря на

отсутствие дипломатических отношений с большевистской Россией, добрые дяди и тёти берут на себя все заботы о русских детишках, оказавшихся в бедственном положении. Колонистов поспешно, слишком поспешно, переправляют на Дальний Восток и размещают в двух местах под Владивостоком — на Второй речке и на Русском острове. Кормят колонистов по сравнению с голодными нормами Питера роскошно: тушёнка, рисовая каша, какао, сгущённое молоко.

Вот какие они благородные и высокогуманные, эти джентльмены из американского Красного Креста! Они — вне политики. Большевики или меньшевики управляют Россией — им безразлично. Они помогают каждому, кто нуждается в помощи!

Но почему же и на Второй речке, и на Русском острове так много настойчивых, не очень правильно говорящих по-русски людей, убеждающих ребят, что жить можно в любой стране мира, если ты хорошо зарабатываешь!.. Особливо же в Северо-Американских Соединённых Штатах, где, как известно, от чистильщика сапог до мультимиллионера рукой подать!

И колчаковские офицеры тоже частые гости колонистов. Такие они ласковые, такие добренькие, господа офицеры! Убеждают ребят, что большевики, захватившие власть в Петрограде и Москве, хозяева на час. За ними неумолимо шагают царь-голод и сыпняк. Всё рушится, всё идёт в тар-тарары... Но уже протягивает свою спасительную руку его высокопревосходительство адмирал Колчак — верховный правитель. За адмиралом — Европа и Северная Америка, — весь цивилизованный мир. Так что, дорогие наши ребятки, наберитесь терпения, кушайте, играйте, а мы вас обязательно спасём.

Появился и некто Новицкий — старший скаут-мастер. Предложил организовать из колонистов бойскаутскую дружину. Было среди ребят несколько бывших скаутов. Они всячески поддержали Новицкого. Знаете, как это интересно! На скуку времени не останется. В дружину записалось более четырёхсот ребят. И — старая песня: скаут верен богу, царю и отечеству. Какому царю? Нет больше в России царя. А верховный правитель, его высокопревосходительство?! И Новицкий делает всё от него зависящее, чтобы обработать души этих четырёхсот мальчиков и девочек, заброшенных в такую даль от родного Петрограда, от своих родителей, близких и друзей. Созданная им скаутская дружина насквозь белая. Даже шейные платки, которые носят ребята, — белые. Белые знамёна, белые галстуки! Попробуй-ка выбраться из этой белой трясины, в которую тебя так настойчиво толкают и Новицкий, и сладкоречивые колчаковские офицеры, и господа, не очень хорошо владеющие русским языком!

Железная дисциплина. Ведь «скаут беспрекословно исполняет приказания своего начальника и патрульного» — так поучал организатор и «отец» скаутизма Роберт Баден-Поуэлл, и того же требует от своих скаутов господин Новицкий.

И вдруг, казалось бы, самый дисциплинированный, самый собранный, самый исполнительный грубо нарушает дисциплину. Патрульный Валентин Цауне. Высокий, узкоплечий подросток, с маленьким туго сжатым ртом... «Э-э... пустяки, — морщится Новицкий. — Мальчишке пятнадцать лет. Честолюбив, как сатана. Хочет

играть роль. Вот вызовем на суд чести, поставим на колени... А не подчинится, сорвём перед строем белый галстук».

Да, Валентину Цауне исполнилось тогда пятнадцать лет... Сын бухгалтера, он вместе со своими младшими сёстрами Евгенией и Ольгой был среди тысячи петроградских детей, отправленных на поправку. Был ли он честлюбов? В какой-то степени — да. Как любой мальчишка, мечтающий стать полководцем или вторым Коперником. Но в данном случае роль играло отнюдь не честлюбие Цауне, а его представление о чести. Чести юного гражданина рабоче-крестьянской республики. Чести петроградского паренька, ставшего свидетелем «десяти дней, которые потрясли мир». Чести рыцаря Роллана, мушкетёра Атоса, Овода, Спартака — всех тех, кто в детские годы поселился в его горячем сердце. И эту честь у него собирались отнять и, швырнув на землю, растоптать грязными сапогами!

И Валентин Цауне решил, что будет бороться за свою честь. Но только ли за свою? А сестрёнки Женя и Оля, а его друзья Гена Зуев, Юра Орехов, Лёня Кантор? Может ли он предать их и отвернуться, когда господин Новицкий потянется за их душами?

Нет, он должен бороться и за их честь, за честь всех петроградских ребят, попавших в капкан со сладкой приманкой.

На стенах домов, где размещены колонисты, появилось воззвание, написанное от руки, на листочках школьной тетради:

«Скауты! Старые основы скаутизма отжили. Скаутизм в колонии грозит исчезнуть, выливаясь в погоню за знаками отличий, нашивками и т. п. мишурой скаутов монархического и колчаковского строя.

Мы берём за основу воспитать в будущих гражданах Советской России любовь к Родине и угнетённым всего мира и ненависть к угнетателям.

Наши законы: совесть, дисциплина, содружество...»

Нет, это не мальчишеское сочинение в великолепном «пиратском» стиле, увенчанное скрещёнными кинжалами или жутко осклизшимся черепом. Это политическая декларация, противопоставляющая старым, сугубо буржуазным идеалам скаутского движения новые: любовь к угнетённым всего мира и ненависть к угнетателям. В воззвании, написанном Валентином Цауне, слышатся отзвуки великой классовой битвы, развернувшейся по всей России. Оно интернационально в своей основе. И если законы, предложенные Цауне: «совесть, дисциплина и содружество», слишком общи и расплывчаты, то не будем всё же забывать, что придумал их пятнадцатилетний подросток.

Итак, бомба разорвалась! И на Второй речке, и на Русском острове. Скаут-мастер Новицкий и его поддужные ищут виновника. А виновник и не думает скрываться. Группа ребят, объединившаяся вокруг Валентина Цауне, организует открытое выступление против белых скаутов.

Красные скауты захватывают штаб...

Трудно полстолетие спустя установить во всех подробностях, как всё это произошло... Но вот свидетельство одного из тех, кто участвовал в нападении на штаб Новицкого... Рассказывает Леонид Кантор:

— Я был в отряде Валентина Цауне. Помню «Воззвание», которое он написал. Помню, как собрал нас, младших мальчиков, и сказал:

«Ясно. Старое скаут-движение для нас не годится. Нужно выдвинуть новое — «красных скаутов», — построенное на самостоятельности. Кто готов со мной вместе начать борьбу?»

Большинство сказала: «Готовы».

Было решено с боем захватить штаб белых скаутов, сорвать их флаг и водрузить красный... Всей операцией руководил Валентин. Так всё и произошло. Не помню, что было дальше. Знаю только, что пришлось уйти в подполье, собираться потихоньку. Мы по-прежнему сами себя называли красными скаутами. Зная, в отличие от белого скаутского, стало синим с красной полосой (наверное, для маскировки). И галстуки синие вместо белых.

Быть может, захват штаба покажется сейчас обыкновенным ребячеством, чем-то напоминающим игру в индейцев. Но если это была игра, то чрезвычайно серьёзная, требующая от всех её участников отваги и выдержки.

Цауне понимал, что борьба, которую он разворачивает, будет вовсе не лёгкой. И ему хотелось начать её взрывным действием, способным захватить, увлечь и вдохновить ребячьи сердца. Пусть штаб скаутской дружины оказался в руках у «восставших» на какие-нибудь полчаса, пусть недолго развеялся над зданием красный флаг, но война была объявлена, и тридцать мальчиков и девочек, назвавших себя красными скаутами, поверили в мужество и умение своего вожака, а следовательно, и в собственные силы.

Противник имел многократное превосходство в силах. Против отряда красных скаутов выступали в одном ряду и Новицкий, и офицеры из колчаковской контрразведки, и ласковые джентльмены с ледяными глазами из американского Красного Креста.

12 мая 1920 года петроградских детей погрузили на японский пароход «Иомей Мару», якобы для того, чтобы бесконечно далёким морским путем доставить их из Владивостока в Петроград. На самом же деле американские благодетели собирались использовать это путешествие, чтобы поразить воображение детей, показав им роскошные богатые города цивилизованного мира — Сан-Франциско, Нью-Йорк: смотрите, детишки, удивляйтесь, детишки, это вам не голодный и холодный Петроград, в котором всё ещё хозяйничают большевики!

И на борту «Иомей Мару», пока он неторопливо бороздил воды Японского моря, затем Тихого океана, а потом и Атлантики, надолго задерживаясь в портах, проходил последний и самый ожесточённый этап борьбы за возвращение детей Петрограда на родину.

Было бы, конечно, наивно думать, что борьбу вели только Валентин Цауне и его красные скауты. Советское правительство принимало решительные шаги, чтобы заставить американский Красный Крест отказаться от своего бессердечного намерения лишить тысячу детей родины и родителей.

С пламенными статьями выступал в «Известиях» народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский.

Рабочие организации Америки всячески поддерживали законное требование правительства Советской России.

Старшие колонисты, узнав о том, что Вашингтон решил отправить детей не в Россию, а во Францию, избрали революционный комитет, направивший в американский Красный Крест письмо-уль-

тиматум. «Мы до тех пор не пойдём на пароход, пока не получим положительного ответа от американского Красного Креста» — так был смысл ультиматума.

Но и красные скауты не оставались в стороне от этой борьбы. Их маленький отряд уже вырос в целую дружину. И вот уже появляется приказ № 1 по дружине «Иомей Мару»:

«1) Официально на заседании главного штаба 15 августа 1920 года признан русский Совет Народных Комиссаров, и достояние дружины красных разведчиков, как нравственное, так и материальное, признано достоянием РСФСР.

2) Национальным флагом признан флаг РСФСР — красный, герб его — серп и молот.

3) Национальным гимном признан гимн РСФСР «Интернационал».

Председатель штаба В. Цауне
Генеральный секретарь Э. Гальдтман
Члены штаба: Г. Зуев
М. Богданова
Е. Хвостиков
Е. Цауне

Место издания первого приказа — Тихий океан.

Теперь это уже не скауты, а красные разведчики. Принципиально новая, советская детская самостоятельная организация. И вот что удивляет в её теперь уже шестнадцатилетнем вожаке: убеждённый, что именно ей предстоит в недалёком будущем стать массовой детской организацией Советской России, он начинает исподволь подготавливать кадры будущих руководителей отрядов. Для этого на борту «Иомей Мару» Валя Цауне создал тайную инструкторскую школу. В неё он отобрал самых инициативных и энергичных ребят. И пока «Иомей Мару» неторопливо бороздил воды чуть не всех морей и океанов земного шара, Цауне ни на день не прекращал занятий инструкторской школы.

И когда, наконец, тысяча петроградских ребят, после более чем двухлетнего отсутствия, вернулась на родину, среди них было немало мальчиков и девочек в синих галстуках юных патриотов Советской России — членов РОЮРа, организации, созданной Валентином Цауне на чужбине.

Все роюровцы прошли нелёгкий путь политической борьбы, закалились в её огне и были готовы поделиться своим немалым опытом самостоятельности с тысячами своих сверстников — детей рабочих и служащих красного Петрограда.

ЗИМНИЕ НОЧИ в Петрограде темны и долги. Но эта, со 2 на 3 декабря 1922 года, видно, никогда не кончится. Так во всяком случае кажется Валентину Цауне, без усталости шагающему по своей комнате от сине-чёрного квадрата окна до наглухо закрытой двери, и опять к окну, и вновь к двери, и так сотни раз.

Ночь кажется бесконечной, ибо вместила в себя раздумья о целых годах прожитой жизни. Они возникают и исчезают, как скоротечные тревожные сны. Но ночь — бессонна. Вале не удалось заснуть ни на минуту. Напрасно бросался он на свою жёсткую спартанскую постель с твёрдым решением заснуть, забыться. Подушка каменела под разгорячённой головой, а простыня и одеяло душным жаром опаляли утомлённое тело. Беспокойные мысли — расстроенный пчелиный рой. Голова гудит, того и гляди лопнет от

их неумолчного гомона. И Валя вскакивает с постели, вновь шагает по комнате, босоногий, узкоплечий, длинный, потерявший себя самого.

За стеной спят родители, Женя и Оля — сестрёнки, так доверчиво и беззаветно пошедшие по тропин-

ке, которую он проложил. Счастливые! Для них эта ночь как ночь. Спят спокойно и завтра так же спокойно пойдут за ним, какое бы решение он ни принял. А он всё ещё не может ни на что решиться. В нём в жестоком противоборстве схватились разум и чувство, и силы их равны, и уже несколько часов его грудь сотрясается от этой отчаянной схватки, и нет ей, видно, конца!

Завтра, да нет, уже сегодня он должен распустить РОЮР. Да, тот самый РОЮР, который создавался там, за пределами родины, в ожесточённой борьбе одного против всех. Его создание, его детище, благодаря которому он вернулся в Петроград с гордо поднятой головой. Должен... А собственно, почему? Разве его мальчишки и девчонки в синих галстуках не поклялись любить свою Советскую Родину и ненавидеть всех угнетателей трудящихся людей? Разве роюровцы не готовят себя к революционной борьбе и строительству новой жизни? И разве РОЮР не стал в Петрограде первой самостоятельной детской организацией совершенно нового типа? Так чего же хотят от него эти серьёзные и суровые парни из Смольного, два дня назад поздравившие его со вступлением в комсомол? Ликвидировать РОЮР. Сорвать с древка славное синее полотнище, поднятое ещё на борту «Иомей Мару», заставить более сотни роюровцев снять с себя галстуки... Не равносильно ли это требованию к художнику, годами работавшему над картиной и поверившему, что она — лучшее из всего созданного им в жизни, располосовать готовый холст равнодушным остриём ножа! Или заставить ребёнка, построившего великолепный многоэтажный карточный дом, мгновенно уничтожить его ударом воздуха, исторгнутого из собственных лёгких! Ну, а если... если этот дом и на самом деле карточный? Ведь в дружине РОЮРа немногим более ста человек. Это на сотни-то тысяч детей Петрограда!

«У тебя, Цауне, только избранные, — говорил Саша Фёдоров, — а нам, брат, нужна массовая организация пролетарских детей. Вот, почитай-ка!» И дал ему тоненькую брошюрку, изданную Московским комитетом РКСМ, под названием «Юные пионеры». Прочёл, потом перечёл и глубоко задумался. Оказывается, комсомольцы решили по-настоящему взяться за работу с детьми. И, как видно, не только решили, но уже и взялись. Коммунистические детские группы имени Спартака. Вот, значит, что подразумевается под отрядами юных пионеров. И в Москве уже существует несколько отрядов, а при Центральном Комитете и Московском комитете РКСМ созданы специальные бюро по руководству всей работой с детьми. Юные пионеры... Валя не мог не признать, что это хорошее, удачное название. Лучше, нежели юные разведчики, потому что «юный разведчик» по существу только русский перевод названия «бойскаут». Не мог он также не согласиться в душе, что законы юных пионеров более всеобъемлющи и чётки, чем те, которые он придумал для своих роюровцев:

- 1) Юный пионер верен рабочему классу.
- 2) Честен, скромен и правдив.
- 3) Друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу.

4) Исполнителен.

5) Трудолюбив, весел и никогда не падает духом.

6) Бережёт и уважает общепользны́й труд.

Да, ничего не скажешь, здорово продуманы эти законы. Хороша и формула торжественного обещания, которое даётся каждым при вступлении в ряды юных пионеров: «Даю торжественное обещание и скреплю его своим словом, что буду:

1) Исполнять законы юных пионеров.

2) Помогать своим товарищам.

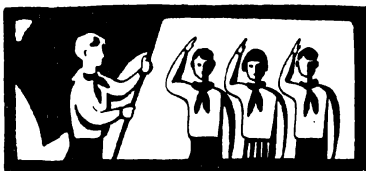
3) Буду верен рабочему классу».

Ёмкая формула, призывающая понятным языком к совершенно конкретным поступкам... А вот у нас: совесть, дисциплина, содружество. Конечно, красиво, но никак не расшифровано! У юных пионеров тоже галстуки, но красного цвета. И отрядные знамёна — красные. И никакой там лилии, а пылающий костёр, тот самый, что светит, греет и объединяет в лагере или во время походов с ночёвкой. Красное знамя, красные косынки... А почему у роюровцев синие? Скажешь, из-за конспиративных соображений, когда всё делалось тайно, в строжайшем секрете от сторонников белого скаут-мастера Новицкого? Да, это так! Но позже стало традицией. Мы полюбили свой синий цвет...

Вот и сейчас Вале кажется, что комната его погружена в глубокий ультрамарин... И стены и потолок, точно вся она — из полотнищ роюровских знамён... А интересно, какого цвета бывает совесть? Тоже синего? Ф-фу, какая чепуха! Совесть не должна менять цветов и оттенков, только и всего. А как же, дорогой, с твоей собственной совестью: собираешься изменить её цвет? Или только оттенок? Постой, постой, этак ты договоришься и до того, что вступил в комсомол вопреки своей совести. Тут Цауне почувствовал, что лицо его запылало. Нет, нет, я пришёл к комсомолу с открытым сердцем. Его дорога — моя дорога. Вспомнились два весёлых озорных парня Женя и Юра Дитрих, с которыми он подружился. Комсомольцы, и уже не первый год. И не меньше, чем он сам, озабочены судьбами неорганизованной детворы. Но предпочитают местоимению «я» местоимение «мы». Мы должны организовать. Мы организуем. А мы — это комсомол. Ну, а как же быть с содружеством? Ведь у нас, в РОЮРе, так: все за одного, один за всех. А что ты знаешь о пионерах? Быть может, их содружество ещё крепче. Вот и в Германии существуют детские коммунистические группы юных спартаковцев. Выходит, что содружество пионеров интернационально... Да, есть над чем задуматься, Валя...

Но он всё ещё мечется по комнате, не может избавиться от синего наваждения, которое вцепилось в него, словно челюсть капкана. Как он посмотрит в ребячьи глаза, в сотню пар доверчиво смотрящих на него глаз, когда скамандует: «Синие галстуки снять!» И галстуки будут тотчас же сняты потому, что он приучил ребят к дисциплине. Приучил? Но так ли уж хорошо? Ведь смогла же этим летом Злата Щёктова, красивая весёлая девушка, на которую он полагался, как на гранитную скалу, наплевать на дисциплину, порвать с РОЮРом и перейти в полуподпольную скаутскую группу Собинина. «Что-то у нас стало сильно пахнуть комсомолом», — заявила она Цауне. И сказала ещё, что девственно белые лепестки лилии краснеют от стыда... Выходит, что для смазливой Златки красный цвет был всегда неприятен и именно от него пряталась она за синим — роюровским.

— К чёрту лилию! — воскликнул вдруг Цауне, и так громко, что даже испугался: не разбудил ли отца и мать? С какой стати он, отвергая всё старое, скаутское, то бишь буржуазное, сохранял бы в качестве символа РОЮРа всё ту же лилию,

взлелеянную французскими королями. Да, к чёрту, к чёрту её! А если я не согласен с тем большим делом, которое затеял комсомол, то надо быть до конца честным и перед собой и перед другими. Прийти к секретарю райкома и положить на его стол только что полученный комсомольский билет. «Я — не согласен!» С чем же ты, Валентин Цауне, не согласен, позволь тебя спросить? С тем, что комсомол делает то, о чём ты сам мечтал, — организует и воспитывает детей в коммунистическом духе. Вспомни же «Иомей Мару»... Только убеждённости, что идеалы, которые ты положил в основу организации красных скаутов, благородные и единственно справедливые, поддерживала твои силы. А теперь? Так неужели же всё дело в самолюбии, гордыне? Уж не мечтал ли ты стать таким новым советским Баден Поуэлом? Ух как стыдно! И тут, как назло, Валентин вспомнил имена известных московских скаут-мастеров Николая Фатьянова, Валериана Зорина, Михаила Стремякова, Якова Смолярова, Владимира Федосеева и других, которые подписали декларацию левых скаут-мастеров и добровольно предложили комсомолу свою помощь в организации отрядов юных пионеров. Молодцы! Спрятали в карман собственное честолюбие, и уже руководят первыми отрядами детей московского пролетариата. А я? Уйду в кусты, или разделю судьбу Собининых, Чацких и прочих, кто при слове комсомол начинает корчиться, как чёрт от ладана. Нет, это уж дудки!

Решение принято. Через несколько часов он, Валентин Цауне, позовёт своих роюровцев в новый далёкий и трудный поход. Туда, куда идёт и комсомол — молодая гвардия рабочих и крестьян Советской республики.

Да, так и будет! Никто из его старых и верных друзей не догадается о сомнениях, терзавших его всю эту долгую ночь. Ведь он же сам не раз говорил с Геннадием Зуевым, Борисом Вахтиным и другими старшими роюровцами, убеждал их в неизбежности и закономерности того, что должно было произойти. И они сдались под напором его доводов, как и он, в своё время, отступил перед логикой убеждений Кузнецова, Фёдорова, братьев Дитрих. Да, он знал теперь путь в будущее, с которого не сойдёт уже никогда.

Не знал Валентин Цауне только одного: что минувшая ночь стала проверкой его мужества, ибо нет ничего труднее, как бороться с самим собой и вырвать победу.

...**К** ДОМУ № 4/14 по улице Глинки со всех концов Петрограда сходятся ребята в синих галстуках. Их человек сто, быть может чуть побольше.

Сегодня здесь, в клубе Старой и Молодой гвардии, назначен экстренный сбор Петроградской дружины РОЮРа.

На сцене на листе железа — пирамидка щепочек. А над пирамидкой повешена вырезанная из картона белая лилия — эмблема юных разведчиков.

Зачем всё это?

Но вот привычная команда: «Смир-р-но!» В зал вносят знамёна дружины и отрядов. Синие знамёна РОЮРА. Разведчики встречают их полным салютом. Тишина.

В центре зала появляется начальник дружины — Валентин Цауне. Пожалуй, он чуть бледнее обычного...

— Юные разведчики! — обращается Валя к ребятам. — Мне поручено сделать чрезвычайное сообщение. Центральный Комитет РКСМ принял решение о создании детских коммунистических групп имени Спартака. Ребята, вступившие в эти группы, будут называться юными пионерами. Пионер — человек, смело идущий первым по ещё не проторённым дорогам и тропинкам жизни. Быть юным пионером — большая честь.

Цауне делает паузу, окидывает взглядом ряды роюровцев и в их глазах, в их насторожённом молчании последний раз ищет ответ на вопрос: правильно ли он поступает? Да, правильно! Вот его взгляд встречается с взглядом Бориса Вахтина. И не находит в голубых глазах Бориса упрёка. Да, правильно! Вот, выдвинувшись вперёд, ближе к знаменосцам, застыла шеренга инструкторского патруля «красных волков». Самые верные, самые преданные ребята! Те, которые понимают его с полуслова и готовы идти за ним, куда угодно. Пойдут ли они за ним сегодня по новой, широкой, но пока ещё неведомой для них дороге? Да, пойдут! Стоят и выжидающе смотрят на него ветераны. Четыре года назад на борту японского корабля они вслед за ним сорвали с себя белые скаутские галстуки и надели синие — роюровские. Найдут ли они в себе силы, чтобы сегодня, вот сейчас, снять с себя привычные и любимые синие галстуки и надеть другие — красные? Конечно, найдут! Ну, а самые маленькие? Вон круглолицый, с огромными сияющими глазами Вася Перфильев, а вон худенький стройный Эдя Готовский. Тут полный порядок. Слова Цауне для них закон.

И голос Валентина крепнет, звучит всё более убеждённо, почти властно:

— Юные разведчики, мы не можем топтаться на месте, мы должны сегодня широко шагнуть вперёд. Решением штаба дружины объявляю РОЮР самораспущенным. Смир-р-но! Знамёна приспустить!

Знаменосцы склоняют древки знамён.

— Полный салют!

Абсолютная тишина. Даже дышать ребята стараются совсем беззвучно.

Новая команда Цауне:

— Срезать синие знамёна и синие патрульные значки. Снять синие галстуки. Сжечь эмблему РОЮРА — белую лилию.

Шелест и треск разрываемой ткани.

На сцене загорается крошечный костерок — последний роюровский, но и первый пионерский: В его пламени почти мгновенно чернеет и сгорает картонная лилия.

Валя пристально вглядывается в огоньки, догорающие на сцене, и развязывает узел своего синего галстука. Дежурные, стоящие у костра, выносят со сцены железный лист с розовеющими угольками. В центре зала гряда синей материи: полотнища знамён, треугольные флажки, галстуки...

Теперь порал Цауне высоким звенящим голосом отдаёт новую команду:

— Прикрепить к древкам красные пионерские знамёна. К посохам — новые патрульные флажки. Всем надеть красные гал-

стуки. — И через минуту: — Дружина юных пионеров — смир-р-но! К встрече новых знамён — салют! Юные пионеры, к борьбе за дело рабочего класса будьте готовы!

Валя вскинул руку в салюте. И в ответ взметнулась сотня рук.

Потом спели «Молодую гвардию». Ещё неуверенно. Плохо знали слова. Повторяли их за Сашей Фёдоровым, Юрой Дитрихом и другими комсомольцами, присутствовавшими на последнем сборе Петроградской дружины РОЮРа.

Так в этот день, 3 декабря 1922 года, была заложена основа будущей организации юных пионеров в Петрограде.

А ПРИ ЧЁМ здесь Белая Лиса? Ведь он никогда не состоял в РОЮРе и не был участником многомесячной эпопеи на «Иомей Мару» в далёком 1920 году!

Дело в том, что именно от Константина Ольхина я впервые услышал всю эту историю летом 1924 года, когда был направлен в Выборгский район, в качестве заместителя председателя районного бюро юных пионеров. А председателем бюро был тогда Валентин Цауне, организовавший на Выборгской стороне первые пионерские отряды.

Так вот, Костя Ольхин оказался одним из тех, кому Цауне сразу же предложил взяться за руководство одним из этих отрядов.

С тех пор кончилось одиночество Белой Лисы, ставшего вожатым третьей базы юных пионеров при Финляндской железной дороге и по сей день оставшегося верным другом ребят в красных галстуках.

Рис. А. Курушина

Посвящается ленинградскому школьнику Алёше и Комлану Аджидо — студенту из Дагомеи

ДЕНЬ ВОСКРЕСНЫЙ

День хоть был и воскресный, но совсем нерадостный и какой-то бестолковый. Вчера у родителей были гости, засиделись они за полночь, и Петя даже слышал, как вызывали такси. По этой причине вся семья встала довольно поздно.

Нет, не то чтобы совсем поздно, а ровно настолько, что уже бесполезно было готовить завтрак в дорогу или спорить о номере лыжной мази, потому что все поезда с лыжниками уже ушли.

Петя перетаскивал стулья из комнаты в комнату и борotal стишок, который только что сочинил:

*День воскресный,
А какой-то пресный...*

Мама в халате ходила возле немытой посуды и время от времени восклицала:

— Граждане, а голова бо-ли-ит!..

И вдобавок ко всему Петю завалили какими-то бессмысленными поручениями: пойти узнать, работает ли прачечная (это, конечно, мама), принести из почтового ящика газеты (это, конечно, папа), вытереть всю посуду (вместе, вместе, мучители!).

И, наконец, в середине дня, когда всё было перемыто и вычищено, расстелено и расставлено по местам, маме вдруг понадобился лимон. Срочно! Как же это она забыла! Ведь у неё задуман такой сюрприз к обеду!

— Петруша!..

«День воскресный, а какой-то пресный», — снова подумал Петя.

— Родители, — сказал он, — вы меня уважаете? Когда ребёнку отдых-то будет? Ведь у

вас два выходных, а у меня один.

— Слыхали?.. — всплеснула руками мама. — Это одноклеточное существо требует отдыха! Оно требует уважения! Петя-старший, кто из нас больше нуждается в отдыхе, он или я?

Папа, не отводя глаз от газеты, сказал:

— Я.

— О боже!.. — воскликнула мама. — Изверги! Эксплуататоры!..

Мама бросилась на папу, Петя на маму, все втроём они быстренько смяли газету и с криком и визгом свалились с дивана на пол.

Петя решил воспользоваться положением.

— Граждане, — сказал он, пока они ещё сидели на полу, — не будем ссориться, давайте во что-нибудь поиграем!

— Давайте, — сказал папа, серьёзно посмотрев на Петю. — Стакан, лимон — выйди вон.

Петя вздохнул и пошёл в магазин за лимоном.

ПО ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТИ

Трёх часов ещё не пробило, а день уже вроде кончался, и не было утренней яркости от снежных сугробов, и фасады домов уже затягивало едва уловимым сумраком.

Зачем он вышел? Ах да, за лимоном!..

И вот он уже в очереди. Какая-то суета у прилавка: вон оно что — бананы продают!

Бананы, лимоны... Но вовсе не до них было Пете, он внимательно вглядывался в вереницу проходящих по магазину людей.

«Может быть, — думал Петя, — может быть. Возможно, что по теории вероятности...» Он, пожалуй, ничего не знал об этой теории, да и надо ли было знать саму теорию, чтобы допустить вероятность появления нужного человека? А человек мог появиться, мог, потому что вот уже два дня, как жил в этом доме. Это был новый дом с окнами на Неву.

«Ведь столкнулись же вчера в булочной», — размышлял Петя. «Хлеб свежий?» — спросил Петя. «Кому как», — ответила Алиса. «Вилку-то куда понесла?» — «Не твоё дело!» — «Задрыга!» — «Головастик!»

Да, всё было именно так. Нелепость какая-то... Уши горят, как вспомнишь. Детский сад.

И не замечал он, как двигалась очередь, как отходил кто-то и просил запомнить, как кого-то не запомнили и отгоняли теперь от очереди. Люди сновали на фоне высоких стёкол, трещали кассовые аппараты, в двери врывался морозный воздух, пахло сладковатым, чуть душным запахом давно сорванных фруктов. Но ничего Петя не замечал, не испытывал и не чувствовал, кроме напряжённого ожидания.

ПЯТЫЙ ВРАЧ РЕСПУБЛИКИ

Петя так бы и простоял до самых бананов, предаваясь воспоминаниям, если бы не произошёл один инцидент. Он-то и вывел Петю из задумчивого состояния.

Какая-то женщина в пуховом платке чуть не силой подвела к прилавку молодого застенчивого негра.

— Граждане! — сказала она. — Да неужто ему такой хвостик стоять! Ведь бананы!..

Негр белозубо улыбался и всё норовил отойти назад.

— Ведь бананы! — повторила женщина, и Петя, да и все, наверное, поняли, какой смысл она вкладывает в это восклицание.

— Бананы... — тихо сказал негр. — Не нада...

— Отпустить ему! — заговорили в очереди. — Хочется человеку бананов!

Женщина вдруг вырвала у негра чек и подала Пете.

— Вот на-ко! Выручи человека.

Окончательно стушевавший негр улыбнулся Пете и покорно отошёл в сторону.

И затем началось то, что Петя особенно не любил: когда уже всё было ясно, некоторые люди стали громко обсуждать, почему негр хочет бананов, может ли он залезть за ними на пальму и даже сколько штук он может за раз съесть.

Вышли они, разумеется, вместе и, конечно, первым делом познакомились. Негра звали

Мишель, но в то же самое время Миша, а Петю — Петей, но в то же время Пьер.

И вот они шли — Петя и Миша, Мишель и Пьер — и ели холодные и очень душистые бананы.

Пете нравилось, что Мишель обращался к нему на «вы».

— Петя, — спрашивал, например, Мишель, улыбаясь, — в каком классе вы учитесь?

— Я учусь в пятом классе, — отвечал Петя. — А где учитесь вы, Мишель?

— Я учусь в медицинском институте, на третьем курсе. Петя, вы можете употреблять более сложные синтаксические конструкции. Я всё понимаю. Так мне лучше изучать русский язык.

Петя стал придумывать конструкцию посложней, но, как всегда в таких случаях, в голову ничего подходящего не приходило.

«Несмотря на то... — думал Петя. — В то время как...»

— Несмотря на то, — сказал Петя, — что вы привыкли к морозу, на голове у вас шляпа, в то время как я в шапке-ушанке, вот какое положение...

Петя произнёс всё это и покраснел.

— Несмотря на то? — спросил Мишель.

— Я говорю, не холодно вам в шляпе?

— А-а, нет, не холодно, — засмеялся Мишель. — Немножко холодно, но я привык. У меня есть русская шапка, но ещё можно терпеть. Петя, кушайте банан.

Когда было съедено по два банана, выяснилось, что Мишель приехал в Советский Союз из маленькой центрально-африканской страны, названия которой Петя, к стыду своему, раньше не слышал. Когда Петя ел третий банан, Мишель рассказал ему кратко о природных условиях и климате своей родины, когда четвёртый — о богатстве полезных ископаемых, когда пятый — о колониальном иге, которое было свергнуто совсем недавно, и о гражданской войне с сепаратистами. И не потому Петя так подналёг на бананы, что был голоден и жажен, а потому, что, слушая Мишеля, он как бы торопился вдыхать терпкий

и душный запах далёкой тропической республики.

Так они шли по улице и не заметили, как пришли в сад.

— Ну, а сейчас-то, — спросил Петя, — сейчас какой политический строй в вашей стране?

Выражение мягкости сошло с лица Мишеля, улыбка потухла. Он твёрдо и строго сказал:

— Победил народ. Моя страна — народная республика. Петя, когда я окончу институт и приеду на родину, я буду лишь только пятый чёрный врач.

— Вы хотите сказать, что у вас в республике всего четыре врача? — удивился Петя.

— Ни одного. Просто четверо закончат учёбу раньше меня. Но у нас будет народное здра-

воохранение, поверьте, Петя, будет! И больницы, и клиники! — Мишель сверкнул белками глаз и облизнул губы.

— Я верю, — сказал Петя.

Он задумался.

Он представил вдруг, как в далёкой знойной Африке, под пальмами, в тростниковых хижинах лежат больные и ждут, когда выучатся Мишель и другие врачи. И ещё ему вспомнилось, как в далёком детсадовском детстве он плакал тихонько, слушая про доктора Айболита, про больных бегемотиков и страусят.

И он устыдился этого воспоминания.

«Годы идут, — подумал с облегчением Петя. — И вот уже со мною говорят о судьбах здравоохранения целой африканской республики».

В это время они подошли к высокому светлomu дому. Петя знал, что это студенческое общежитие. Многие окна в доме были уже освещены электричеством. За одним окном широко и торжественно играл рояль.

Мишель сказал:

— Петя, если у вас есть время, вы можете зайти ко мне в гости. Я вас познакомлю со своим другом Андерсом.

Какое-то беспокойство шевельнулось в груди у Пети. Он нащупал в кармане два лимона и вспомнил о каком-то сюрпризе, задуманном мамой, но эти заботы показались ему такими ничтожными по сравнению с государственной важности разговором, что он не стал раздумывать и вошёл.

БАБАМУКА

Андерс был на две головы выше Мишеля, а уж выше Пети, пожалуй, на пять голов. Андерс был просто великан, громадина и вообще в своём оранжевом свитере скорее походил на боксёра, чем на доктора. Увидев вошедших, он заулыбался так радостно, как только могут улыбаться люди. Петина рука прямо-таки потерялась в его огромной ручище.

В комнате играла пластинка, ещё много пластинок лежало веером прямо на полу. На стене висел яркий плакат с берегом моря, с пальмами и белым самолётом. И ещё здесь было что-то такое, сразу неуловимое, отчего у Пети стало легко и празднично на душе.

Мишель вытащил из кармана пальто три уцелевших банана.

— Вот, — сказал он Андерсу, — это тебе.

Андерс схватил бананы обеими ручищами и стал их нюхать и целовать.

— Ах! — восклицал он. — Бон! Хорошо!.. Ах!

И вдруг он положил эти бананы посреди комнаты и стал возле них прищёлкивать пальцами и раскачиваться всем туловищем в такт музыке, и выделывать что-то ногами, и вздрагивать!..

Тут и Мишель задёргался рядом с ним, они замахали вдвоём Пете, приглашая и его, а Петя ничуть не смутился, он сразу понял, как это делается. Бёдрами, бёдрами! И пле-

чами — вперёд и назад. И только на минутку он подбежал к своему пальто и выложил посреди комнаты два золотистых лимона. И вот у них уже маленький круг!

— Бабамука-а!.. — кричал Андерс. — Еса!.. Ойе?..

— Ойе!.. — отвечал Мишель. (Или что-то другое они кричали, но очень похожее.) — Бабамука!

Они били в ладоши и танцевали. И даже когда на пластинке кончилась музыка, они

всё равно били в ладоши и танцевали вокруг бананов и лимонов. И Петя кричал вместе с неграми: «Бабамука!»

Когда они насмеялись вдоволь и похлопали друг друга, Петя от усталости свалился на стул, а хозяева включили электроплитку, захлопотали, заговорили по-своему, и он понял, что сейчас они будут его угощать. И ему очень хотелось этого угощения, и не терпелось знать, какое оно будет, хотя от этого и было чуточку стыдно,

но тут уж ничего от Пети не зависело.

Скоро запахло крепким кофейным ароматом, конфетами, лимонами и даже вроде бы ананасом. Да-да, из красной какой-то банки Мишель выложил на тарелку нарезанный ананас!

Немного потребовалось времени, чтобы Петя разомлел, раскраснелся и, уже забыв про своё стеснение, кричал:

— Мишель, Андерс! Приходите к нам в школу! Я вас с Акимом Макарычем познакомлю! Это самый лучший в мире директор! И с Саввой! И с Лёшей Копейкиным! Отличные парни! И с моими подшефными октябрятами! Первоклассные второклашки! И с папой и с мамой! Лучшие родители во всём городе!..

— Да-да!.. Бон! Хорошо! — улыбаясь, кивали негры. — Это очень замечательно, что возле вас так много хороших людей.

Но Петя даже не заметил этой маленькой грамматической ошибки. Неожиданно вспомнив о родителях, он вдруг впервые за всё это время понял, что он перед ними виноват.

— Да-да... — сказал Петя, жалко улыбаясь, — познакомлю... Такие родители... Очень хорошие. Вот только мне уже пора идти.

Перед расставанием негры записали адрес Петиной школы, посмотрели расписание занятий в институте, посоветовались между собой на своём

языке и назвали день, в который придут.

ДВЕ ЗАПИСКИ

Петя возвращался домой в сумерках и старался не думать о том, как его встретят дома. Он вызывал в своём воображении другую встречу: толчея, крик в коридоре, цветы... Да-да, цветы обязательно надо. И над всеми возвышается фигура доброго Андерса в оранжевом свитере. А рядом Мишель. А он, Петя, между ними, посредине... А неподалёку Алиса. А из конца коридора движется им навстречу Аким Макарыч... «Ну, знакомь нас, Петя», — это Аким Макарыч говорит... Вот будет переполоху.

И он беспечно запел:

*Бананы и лимоны!
Там-тамы и тромбоны!
Лимоны и бананы!
Тарелки и стаканы!*

И во дворе он пел эту песню, и когда поднимался по лестнице, и когда открывал своим ключом дверь, и остановился только, услышав такую нелюбимую им тишину в квартире.

Петя с опущенными вниз уголками губ, как всегда было, когда он обижался, прошёл, не раздеваясь, из прихожей в кухню, а потом в комнаты, везде зажигая свет.

Да, он был один. Сомневаться в этом не приходилось. На столе, за которым он делал уроки, лежала записка: «Неверный ты человек, Петя». И подпись стояла: «Мама».

А на другом столе, в кухне,

лежала вторая записка. Петя разворачивал её с надеждой. Но там почерком папы было написано: «Петя, ты неверный человек».

Сердце Петино совсем упало. После пережитой радости ему было особенно горько видеть эти упрёки, а главное, сознавать, что они справедливы.

«Да, да, я неверный,—грустно размышлял он,—неверный. Это значит, что мне нельзя верить. Меня ждали, но я не пришёл. Я просто забыл... нет, не забыл, я подумал, что в этот момент есть более важное, а ведь было, было более важное!.. А тогда, с Алисой, разве тоже было?.. А может быть, более важное то, что пообещал сначала?»

Замученный, вконец уничтоженный сначала записками, а потом угрызениями собственной совести, Петя бесцельно сидел за столом, не желая ни развлечений, ни сладостей, которые были так доступны в отсутствие папы и мамы.

ВИД СПРАВА

Алиса сидела в левом ряду, чуть впереди, а значит, наискосок от Пети, поскольку он сидел в среднем. Он даже поменялся местами с Саввой, чтобы быть поближе к среднему ряду. Но что видел Петя? Даже отсюда он видел только правый локоть, правое ухо, правую щёку — одним словом, всё только правое.

А вообще-то он делал вид,

что ничего не видел и видеть не хотел.

Прошел уже месяц с того дня, как они перестали здороваться и разговаривать. Нет, разговоры, конечно, случались, но вроде того, который произошёл в булочной. Но это был не разговор, а стыд и позор!

Зато Петя вёл мысленные разговоры с Алисой, то есть он как бы говорил и за себя и за неё.

«Алиса,—обращался он к ней,—я, конечно, поступил не по-товарищески, но что тут будешь делать, уж ты назначь мне испытание, любое, какое хочешь, я тебе докажу, что не такой уж я неверный человек. Назначь, а?..»

«Нет-нет,—как бы отвечала Алиса,—ты ужасный человек, и между нами не может быть ничего общего!»

«Да нет, не ужасный, ты уж мне поверь в последний раз, а то что характер у меня плохой, так я с этим борюсь».

«Борись сколько хочешь, но мне нужен совсем не такой товарищ».

А в другой раз Алиса отвечала ему совсем по-иному.

«Алиса,—обращался к ней мысленно Петя,—я конечно, поступил не по-товарищески, но что тут будешь делать, уж ты назначь мне испытание, любое, какое хочешь, я тебе докажу, что не такой уж я неверный человек. Назначь, а?..»

«Да что ты, Петя,—как бы отвечала Алиса,—я уже и думать забыла про это, подумаешь — какое-то ничтожное не-

доразумение! Ты и впредь поступай, как тебе нравится, это нисколько не отразится на нашей дружбе».

«Но мне так стыдно за свой поступок, прямо не знаю, что мне делать со своим ужасным характером...»

«Характер у тебя хороший, просто ты рассеянный и увлекающийся человек, но, знаешь, мне это даже нравится...»

Конечно, Алиса не отвечала ни так, ни этак, а всё это были Петины выдумки. Она что-то списывала с доски, а в это время Петя — вот какой плохой ученик! — передавал ей записку. Она была такого содержания:

«Циркуляр серия 1 номер 7/2. До нас дошли слухи, что вы переезжаете из старого дома в новый. Есть три пары рук, которые могли бы вам пригодиться при переезде. Сообщите, когда прийти».

Циркуляр вернулся тотчас. Поперёк него было написано: «В циркуляторах не нуждается». И было подчеркнуто: «Цирк».

Наверное, до корней волос покраснел тогда Петя, такой это был меткий намёк. Нет, не хотела она примирения, а он хотел, хотел!

ПРЕМЬЕРА

Если бы можно было, Петя прожил бы тот день по-другому с самого начала. Ну, пусть не с начала, а с того момента, когда он вспомнил, что идёт в нечищенных ботинках. Из-за них он и задержался ровно настолько, что у самой па-

радной его успел перехватить Савва.

— Ага-а, вот повезло! — закричал он. — Вот повезло так повезло!

— Кому повезло? — спросил Петя.

— Как кому, тебе! Пошли скорей!.. Ты и приедет хорошо, я смотрю, и ботинки у тебя начищены!

Не надо было Пете спрашивать «куда?», не надо было! Раз уж встретил Савву, можно было постоять для приличия три минуты или попросить, чтобы Савва его проводил до угла, а в подробности не вдаваться: мало ли у кого какие дела!

Но Петя спросил:

— Куда?

— Ах, ты прыгать будешь от радости, когда узнаешь! Я шёл и думал: застану или не застану?.. Ну, как тебе повезло!

И это можно было пережить, подумаешь! Но Петя и тут не удержался.

— Ну, куда, — спросил он нетерпеливо, — куда?

— В цирк, на премьеру, вот куда! Родители должны были пойти, но к ним пришли гости. Ты хоть соображаешь, что такое премьеры? Первое представление! Дрессированные аравийские львы! Р-р-рры!.. Р-р-рр!.. Морские котики! Мяумяу!.. Одновременно на манеже пять клоунов! А у нас первый ряд! Чего там только нет: наездники, эквилибристы!.. И всё это ещё никто не видел! Голову даю на отсечение, что мы из всей школы будем первые!

Конечно, тут по-разному можно было реагировать, напри-

мер, спокойно выслушать и сказать: «Ты не обижайся, Савва, но, пока есть время, давай лучше позвоним Лёше Копейкину». Или хлопнуть Савву по плечу и воскликнуть: «Ах, какая обида, у меня как раз сегодня дела!»

Но арабийские львы уже метались в бессильной ярости перед Петиним взором.

И он сказал:

— А морские котики не мяукают.

— Конечно, не мяукают! — воскликнул Савва. — Это я так! А впрочем, не знаю. Ни разу в жизни не видел! Ну, что ты стоишь, пошли скорей!

Нужно было сказать: «Ты не обижайся, Савва, но давай лучше позвоним Лёше Копейкину!»

Но он побежал.

Побежал вслед за Саввой вдоль тротуара, а автобус подмигивал ему красным глазом, и это подмигивание гипнотизировало Петю, так что уже повернуть назад не было никаких сил.

И вот он в автобусе. Передаёт десять копеек.

— Оторвите, пожалуйста, два билета, — говорит.

А ещё не поздно было воскликнуть: «Савва, ты не обижайся, но я с тобой всего одну остановку, нам как раз по пути!»

Но уже гремел «Выходной марш» из кинофильма «Цирк», и Петя видел, как, поглядывая через плечо на залитую огнями арену, взмахивал палочкой капельмейстер.

— А что это у тебя в руках

так аккуратно завернуто? — спросил Савва, имея в виду нечто, укрытое со всех сторон плотной бумагой.

И Петя ответил, как ни в чём не бывало:

— Цветы...

— Ах, ты не представляешь, как это кстати! — воскликнул Савва. — Это чёрт знает как кстати! Как ты догадался? Ведь у нас с тобой первый ряд! Дрессировщица во втором отделении, но они не завянут и не замерзнут, ведь в цирке тепло!

Нет, ещё не поздно было сказать: «Савва, ты не обижайся, но цветы предназначены совсем другому человеку, совсем другому, ты понимаешь?»

Но Петя уже не был безучастен к тому, как сохранить цветы до конца второго отделения, и он сказал:

— А мы попросим их в воду поставить.

Вот с этой минуты всё и было кончено.

То есть нет, с другой стороны, всё только начиналось: толчея у входа, проверка билетов, очередь в гардеробную, и, наконец, вспыхнувшая вдруг алым ковром арена. Но если иметь в виду Петино душевное равновесие, то в тот миг, когда он предложил поставить цветы в воду, оно кончилось и началось сплошное терзание.

Правда, Петя об этом ещё не подозревал, потому что, сидя вместе с Саввой в первом ряду, весь млея от страха и удовольствия, наблюдая за работой эквилибристов.

Он все ладоши отхлопал, когда по замкнутому кругу арены мчался, стоя в седле, всадник с красным полотнищем.

Он хохотал до слёз, когда у незадачливого пианиста клавиши всё вылетали да вылетали, и вдруг взорвался рояль! Какое уж тут терзание...

Мог ли он предположить, что именно в тот момент, когда он подталкивал Савву и, смеясь и корчась от смеха, и умирая от хохота, только и в силах был выдавить из себя: «Вот здорово!.. Ой, не могу! Мне худо!» — мог ли он предположить, что именно в этот момент его мама звонит по телефону и, улыбаясь от удовольствия, говорит:

— Алиса, милая, поздравляю тебя с днём рождения! Рости большая, красивая, умная! Тебе понравились цветы?

— Какие цветы? — тихо спрашивает Алиса.

— Которые принёс Петя. Это и от меня, и от папы нашего, разве он не сказал?

— Вы извините, — после молчания отвечает Алиса, — но тут какое-то недоразумение... Мы ждали Петю, но его у нас нет.

— Как нет? Он же ушёл часа полтора назад... И цветы принёс. Ничего не понимаю. Ах, уж не случилось ли с ним чего-нибудь?..

Да, именно в этот момент с Петей случилось то, что он, изнемогая от смеха, чуть не вывалился из кресла на арену, хорошо, что его поддержал сосед.

Всё, что было дальше, нет

необходимости пересказывать, так как и без того ясно, что ничего хорошего не было.

ПОЖАЛУЙТЕ В КАБИНЕТ!

Целый месяц они не здоровались и не разговаривали. Алиса его презирала. И вот последнее напоминание об этом: «В циркуляторах не нуждаемся». Как точка в конце предложения. Как печальный итог.

И тогда Петя послал ещё одну записку — Лёше Копейкину:

«Совершенно секретно! Прочитать и уничтожить! Двенадцать часов пополудни. Циркуляр серия 2 номер 12/21. Сидящей впереди вас воображуле дать тычка. О выполнении доложить».

Петя не заметил, как дверь класса открылась и вошёл директор Аким Макарыч. Извинившись перед Варварой Петровной, он сказал:

— Мне бы Петю ненадолго.

— А, очень кстати, — ответила Варвара Петровна. — Он всё равно ничего не слушает. Третью записку Лёше Копейкину передаёт.

— Пожалуйста в кабинет! — поклонился Пете Аким Макарыч.

Петя встал под взглядами всего класса, стыдясь прежде всего за свою вину перед Варварой Петровной. Но потом, когда он шёл по коридору рядом с Акимом Макарычем, им овладел ещё больший страх. Зачем он понадобился в середине урока? Что случилось? В чём он ещё виноват?

Аким Макарыч молчал вплоть до самого кабинета. Может быть, он даже умышленно молчал, чтобы дать Петю поразмышлять. Петя и размышлял, но ничего такого в голову ему не приходило.

И тогда он вспомнил, что бывали такие случаи, он даже где-то читал, что вызывать-то в кабинет вызывали, но вовсе не для того, чтобы ругать, вовсе и не для того, а, наоборот, чтобы похвалить, поблагодарить, сказать: «Вот молодец, все бы так!»

Петя всё в голове перебрал, но и хвалить-то его вроде бы было не за что. Ни хвалить, ни ругать. Ни ругать, ни хвалить. Но что-то всё-таки было, иначе бы не вели.

— Давай-ка, — строго ска-

зал Аким Макарыч, когда они уселись друг против друга, — рассказывай. — И снял очки.

Петя даже удивился:

— Про что рассказывать?..

— Ну, для начала расскажи про то, про что Варвара Петровна рассказывала.

— Сибирь — обширная часть территории нашей страны, — начал Петя. — Она занимает северную часть Азии. По своим природным особенностям она делится на две части: Западную — от Урала до реки Енисей — и Восточную...

— Хорошо, хорошо, — перебил его Аким Макарыч. — Ладно, допустим. Вот видишь, память у тебя не такая плохая. Ну, а как ты думаешь, Африка-то здесь при чём?

— Ни при чём здесь Афри-

ка. Не-ет, Аким Макарыч, Африка к Сибири не имеет никакого отношения...

— Думаешь, не имеет? А я вот полагаю, что Африка к твоему нахождению здесь имеет самое непосредственное отношение. Ну-ка, поразмышляй.

— Африка, Африка... — бормотал Петя. — Бананы и лимоны... Ах, Аким Макарыч, с какими неграми я на днях познакомился! Одного зовут Андерс, другого Мишель! Они на врачей учатся, один будет пятым врачом в своей республике, другой шестым!.. Я их в школу пригласил, они придут! Представляете, Аким Макарыч, ни одного врача в государстве! Это надо ж!..

Аким Макарыч барабанил пальцами по столу.

И тут Петю будто током пронзило от жуткого воспоминания.

— Это надо ж! — повторил он. — Какой же сегодня день?..

— Вчера была среда, сегодня четверг.

— Вчера была среда, сегодня четверг, — бормотал Петя, — а до этого был вторник, среда, четверг, вторник, нет, вторник, среда, четверг...

— Ну, хватит тебе бормотать, — сказал Аким Макарыч. — Назначал?

— Да, назначал, назначал!.. — закивал Петя.

— На какой день?

— На среду, на шесть часов вечера...

Новое несчастье свалилось на Петю. Он сидел красный, взмокший, растерянный и ничего, ничего не говорил.

— Ну и голова у тебя, — сказал Аким Макарыч. — Представляешь, вчера в шестого приходят в школу два негра, один чуть не под потолок. Улыбаются, спрашивают: «Где Петя?» Я отвечаю: «Нет Пети!» А что я мог ещё ответить? «Понимаете, нет! Пети нет и не будет». Они спрашивают: «Может быть, его ребята есть? Пионеры называются». Я говорю: «Правильно, они называются пионеры, но их никого в школе нет». А их и правда нет! Один Аким Макарыч в школе. Ну, поговорил я с неграми, кофейком их угостил, но дело ж не в этом? Петя где? Пионеры где? А Петя, оказывается, всё перепутал. Ай-яй-яй!..

«Неверный я, неверный, — думал Петя, уткнувшись взглядом в свои ботинки. — Как теперь жить?»

— Ведь вот как получается, — мягко говорил Аким Макарыч, явно сочувствуя Пете, — один человек обманет другого, другой подведёт третьего, третий — слегка одурочит четвёртого, четвёртый забудет про пятого, пятый не очень внимательно выслушает шестого, шестой...

— Шестой скажет седьмому «задрюга», а седьмой шестому — «головастик», — грустно добавил Петя, вспомнив про разговор в булочной.

— И ты думаешь, это всё?.. Не-ет, это не всё. Самое зло только начинается. Если седьмой шестому сказал «головастик», то он и восьмому скажет что-нибудь, может ещё и по-

хлеще «головастика», а восьмой девятого ещё и ударит, а девятый десятому, может, — трах-тара-рах! — не знаю что сделает!..

— А десятый одиннадцатого? — спросил Петя, уже не понимая, когда всё это кончится.

— А одиннадцатый — это будешь ты сам, вот, Петя! — воскликнул Аким Макарыч. — Потому что если человек делает недобро, то оно всегда к нему и возвращается, но в виде увеличенного, безобразного и ужасного!

Петя был совершенно убит и подавлен таким оборотом дела.

Аким Макарыч тоже сидел недовольный, с оттопыренной нижней губой, как будто только что видел пиявку.

Так они сидели довольно долго, размышляя каждый о своём. Наконец Аким Макарыч встал и спросил:

— Петя, ты думаешь о жизни когда-нибудь? Что такое жизнь, какая она есть и что в ней самое главное?

Петя пожал плечами. Трудно сказать, думал он когда-нибудь о жизни или нет.

— А я вот думаю, — сказал Аким Макарыч. — Постоянно. И ты поди подумай. Потому что тот, кто не думает о жизни, тот какой-то странный и подозрительный человек.

ВТОРОЙ ПЕТЯ

Кто остался ещё у него, кто ему верит?

«Мама, папа, Алиса, — мысленно перебирал Петя, — Аким

Макарыч... Теперь дальше: Мишель, Андерс... Никого».

Никого не оставалось, кого бы он не обманул или не подвёл. Думать об этом было нестерпимо горько. Пете даже в иные минуты казалось, что вся его жизнь пошла теперь кувырком.

«Эх, родиться бы заново, — думал он, — и начать бы всю жизнь сначала. Но это нереально. Тогда, может быть, убежать в другой город, где меня ещё никто не знает?.. И поступить в другую школу. И встретить новых друзей...»

Но вдруг кто-то другой, как бы до сих пор спавший, зашевелился в Пете и сказал:

«Ну да, встретить новых друзей — и их обмануть! На это ты мастер. Дело разве в том, кто вокруг тебя? В тебе самом! В тебе! Ты неверный товарищ, невнимательный сын и неблагодарный ученик — вот кто ты! И куда бы ты ни попал, таким ты и останешься».

«Так что же, совсем нету выхода? — отчаянно спрашивал Петя. — Ну, скажи, нету выхода, да?..»

Второй Петя почему-то медлил с ответом.

«Ну, ответь мне, пожалуйста!..»

«Нет, почему же, — сказал он наконец, — выход есть. Но вряд ли он тебе подойдёт».

«Почему вряд ли? Это очень трудно, да? Может быть, больно?.. Ты скажи, я стерплю! Мне очень хочется стать другим человеком».

«Каким?»

«Верным, надёжным, благодарным или как это... благодарным!»

«Верным, надёжным, благодарным!.. — как эхо отозвался второй Петя. — Ну, так стань им».

«Стань им, ничего себе выход... — бормотал Петя, и второй, с которым он разговаривал, тут же исчез. — Эй, куда же ты?.. Приходи ещё, слышишь? Я ещё не всё спросил у тебя!»

Но ему никто не ответил.

«Нет, с кем-то я должен поговорить, — думал Петя. — Но с кем, кто у меня ещё остался?»

И тут он вспомнил.

Мышки!

МЫШКИ

Октябрят своих из второго «а» класса Петя очень любил. Это он придумал им прозвище — «мышки». Они и в самом деле были маленькие, юркие, вездесущие и постоянно бегали за Петей. Если уроки у них кончались раньше Петиных, то они поджидали его возле школы, и он прямо на ходу придумывал им какое-нибудь задание.

Мышки очень любили получать от него задания, именно получать, — Петя заметил, — потому что в этот момент он назначал, кто из них будет старшим. Мышки ждали, раскрыв рты, кого назначит Петя, и никогда нельзя было угадать, кого он выберет.

— Хитрый ты, Петя, — говорили мышки, — ох и хитрый! Иванов «двойку» получил, а ты его назначил.

А Петя вовсе и не хитрил. Он просто решил, что старшими должны быть все мышки по очереди. Иногда же того, кто особенно отличился, он назначал вне очереди — во второй раз.

Что же делали мышки?

Петя водил их в разведку перед сбором металлолома и макулатуры.

Они встречали почтальонов с тяжело набитыми сумками и бегали с газетами по дворам.

Они отыскивали в толчее магазинов утеранные варежки и пуговицы и тут же вручали их покупателям.

Мышки были шустрыми и неутомимыми; от их суеты, крика, толкотни всё-таки был кое-какой толк.

Ну, а когда Петя не мог придумать для них задания, он просто поручал им проверить, правильно ли идут все уличные часы. Или выследить, куда дворники прячут лопаты. Или сосчитать, сколько человек ходит по их улице в шляпах.

— Зачем, Петя, зачем? — всегда спрашивали мышки.

— Тише, — таинственным шёпотом отвечал Петя. — Узнаете потом.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДВЕРЬ

На переменах Петя обычно уводил своих мышек в дальний безлюдный уголок коридора. Или под лестницу. Или, наоборот, на самую верхнюю площадку лестницы — к железной двери, которая была всегда закрыта и вела неизвестно куда.

Вот и сегодня они забрались на самую верхнюю площадку, а зачем — Петя и сам не знал. Мышки расселись бесшумно по ступенькам и чего-то ждали от Пети: или интересного, или смешного, или страшного.

Но Петя молчал.

Один октябрёнок спросил:

— Петя, а ты почему такой грустный?

А другой ответил:

— Он «двойку», наверное, получил.

Но Петя сказал даже для самого себя неожиданно:

— Мышки, а я друзей потерял.

— Как это — потерял? — спросили мышки.

А один, по фамилии Бесценный, который почему-то не любил говорить вместе с хором, спросил после всех:

— Как это потерял?

— Были у меня два друга, — сказал Петя. — Чёрные-пречёрные. Белозубые-пребелозубые. Курчавые-прекурчавые.

— Трубочисты? — спросил Бесценный.

— Нет, негры.

— Это негры, — сказали все мышки. — Ты, Бесценный, всё врёшь. Куда ж они подевались, Петя?

«Эх, мышки, мышки, — думал Петя, — всё равно вы ничего не поймёте, малы ещё. Ну, как это вам объяснишь? Ведь вовсе никуда они и не подевались, здесь они где-то, мои друзья, а это я сам куда-то деваюсь в нужный момент».

— Найдутся ещё, — сказал Бесценный.

— Найдутся ещё, — повторили все.

Петя грустно усмехнулся:

— Я бы к вам их привёл.

— Ой, обязательно, Петя, — воскликнули мышки, — когда найдутся, обязательно их к нам приведи!

— Ну, что ж, попробуем? — вздохнул Петя и посмотрел на железную дверь.

— Попробуем, давайте попробуем!.. — Мышки восторжеслись.

Это была их старая и очень любимая игра — открывание двери с помощью волшебного слова.

— Ну, кто придумал новое? — спросил Петя.

Кто-то пискнул:

— Сим-сим, открой дверь!

— Это старое! — зашумели все. — Оно не подходит!..

— Я придумал! — сказал Бесценный.

— Ну, какое?

— Сим-сим, открой дверь!

Все мышки не на шутку озлились на Бесценного за эту глупую выходку.

— Петя, ты выгони его, выгони! Он и на уроках мешает!

— Успокойтесь, — сказал Петя, — а то сейчас снизу кто-нибудь придёт. А ну-ка попробуем знаете какое волшебное слово?..

Мышки вперились в Петю, и сейчас он ясно видел, что они ему верят.

— Ге-ке-то-бе-ре!

— Ге-ке-то-бе-ре... вот это да-а!.. Гекетобере, гекетобере, — старательно выговаривали мышки. — Отворись, дверь!

Петя и сам не мог объяс-

нить, откуда взялось у него в голове это слово. Возникло — и всё. Так и раньше бывало.

И вдруг на глазах у всех — да-да, все это видели, и Петя, и октябрятá, — дверь затряслась! Дверь затряслась, как будто её подёргали с чердака, и сразу утихла.

И Петя и все побледнели.

Первым пришёл в себя Бесценный. Он сказал:

— Там кто-то сидит!..

«Что же это, — лихорадочно соображал Петя, — неужели и в самом деле существует волшебная сила? Но это ужасно!.. Что же делать? Бежать? Звать на помощь?»

Там, внизу, всего через два лестничных марша, ходили его одноклассники и дежурные учителя. Всего лишь пять секунд нужно было на то, чтобы снова оказаться в нормальной, вполне объяснимой и нисколько не страшной жизни. Но какая-то сила не давала ему побегать и увлечь за собой остальных. Что-то неожиданно твёрдое прокатилось по Петиным мускулам, и он, сжав кулаки, крикнул:

— Гекетобере! Отворись!

— Да сейчас, — пробормотали с той стороны, и снова дверь затряслась. — Куда ты торопишься? Видишь, с ключами какая-то путаница!..

Дважды проскрипел ключ в скважине, и дверь медленно отворилась.

— А-а!.. — закричали мышки и прямо-таки посыпались с лестницы.

А Петя стоял, прижавшись к перилам, и страх ещё не оставил его, а владел каждым мускулом, каждой косточкой, хотя он ясно видел, что перед ним стоит вполне нормальный, ещё совсем молодой человек. Одет он был в военную куртку зелёного цвета, через плечо у него была перекинута планшетка, а из-под шапки торчал пышный золотистого цвета чуб.

— Что, напугался? — спросил человек.

— На-пугался...

— Мне показалось, что здесь ещё кто-то был.

— Это мышки, они убежали...

— Как! — вскричал человек. — Здесь мыши водятся?

— Да нет, это мои октябрятá! — сказал Петя. Он уже не чувствовал страха перед этим человеком.

— Ах, октябрятá! Ну, полегало... Ненавижу две вещи: огонь и мышей. Ну, будем знакомы. Моё имя — Василий.

— А меня Петя зовут. Можно спросить, как вы туда попали?

— На чердак? Очень просто. По пожарной лестнице. Служебная необходимость. Я — инспектор пожарной охраны.

— Понятно, — сказал Петя.

Но тут зазвенел звонок.

— До свидания, — сказал Петя и засмеялся от удовольствия, что всё так хорошо и понятно разрешилось.

Н. СЛЕПАКОВА

Подарки Новому году

Ну вот и праздник — Новый
год!
Тебе мы рады искренне.
Ты редкий гость — ведь
целый год
У нас ты не был в «Искорке».
Опять знакомство — впереди!
Разузнавай, расспрашивай,
К странице каждой подходи,
Что к ёлочке украшенной!
Принарядили наш журнал
Художники, писатели!
Ты всех куда не узнал,
Но все — твои приятели.
И привели они сюда
Свои рисунки, повести —
Герои строят города,
Мечтают, едут в поезде.
Вот эти получили «пять»,
А эти — пса взлохматили...
Не просто всех тебе узнать,
Но все — твои приятели!
Подарки наши — на виду.
Бери же, что понравится!
А что возьмёшь — пускай
в году

На самом деле явится!
И оживёт, и в жизнь уйдёт,
Сбежав по книжным полкам.
...И скажут все, что Новый год
Подарки выбрал с толком!

СРЕДИ американских писателей и поэтов весьма большим почётом пользуется пост Консультанта по поэзии в Библиотеке Конгресса. Сейчас этот пост занимает Уильям Джей Смит. Он и сам поэт. Строгие критики относят творчество Смита к «поэзии чепухи», и, может быть, именно поэтому его стихи очень нравятся детям.

Уильям Джей СМИТ

Про маленькую Димити

Про маленькую Димити вам слышать приходилось?
Чем больше ела Димити, тем меньше становилась.
Чем больше аппетит у нас, тем больше рост и сила.
У бедной крошки Димити наоборот всё было.
Величиной с горошину берет она носила,
И буква «Т» из азбуки ей зонтиком служила,
А в бабочку-тетрадочку заметки заносила.
Однажды крошка Димити столкнулась с хлебной крошкой,
И тут же в щель паркетную попала левой ножкой.
И не сумела выбраться.
Паркет хозяин вытер,
С тех пор малютку Димити никто нигде не видел.

Белое и красное

Однажды я вышел из дома округу свою оглядеть
И вижу: стоит мой знакомый большущий полярный медведь.
Холодный ручей между нами бурлил.
Медведь уплетал шоколадный пломбир,
Подставив широкую спину пингвину,
Который при нём парикмахером был.
«Позвольте, — спросил я медведя, — задать вам коварный вопрос.
Но только прошу мне ответить, медведь, абсолютно всерьёз.
Взгляни-ка на красное небо, медведь.
Ведь сделано было оно из пломбира,
А кажется красным как медь.

Стихи, с которыми мы хотим познакомить вас сегодня, взяты из книги Уильяма Джея Смита «Мистер Смит и прочая чепуха».

Они улыбнулись друг другу.
 Ответ им был ясен. Цвет неба был красен
 Отсюда до самого юга.

*«Ведь если бы вещи казались такими, как это и есть,
Тогда бы все звери старались в пломбирное небо залезть.
Небес бы не стало.
А вот из металла
Никто их не хочет и есть!»
Сказали мне это медведь и пингвин
И скрылись среди перевёрнутых льдин.*

*Светило ли солнце, свистела ли вьюга,
Но Пол и Потолок обожали друг друга,
И в доме, где жили мышата и белки,
Играли не с ними, друг с другом
в гляделки.*

*И дни уходили и годы летели,
А Пол с Потолком друг на друга глядели.
Но вечером как-то в осеннюю пору
Приятели эти затеяли ссору.*

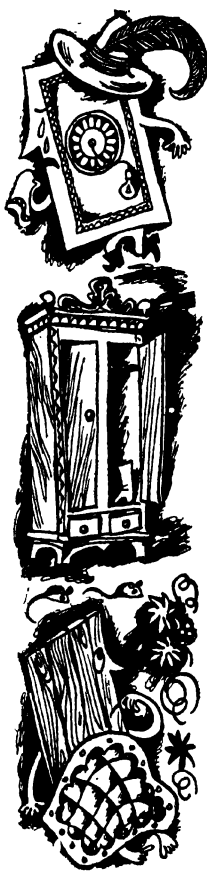
Сказал Потолок и карнизу и нише:
«Нет в городе Пола грязнее и ниже!»
А Пол закричал: «Ты, наверное, спятил.
Ты сам-то развалина! Слышишь,
приятель?»

*Пол на бок прилѣг, одеялом покрылся,
Во тьме Потолок по стене опустился,
Прошѣл мимо стула, прошѣл мимо кресла,
И тень Потолка в коридоре исчезла.*

*Добрёл Потолок до старинного шкапа,
В котором хранилась с пером его шляпа.
С крыльца напоследок свой дом оглядел,
Поплакал, попрыгал и прочь улетел.*

*Пол смотрит вверх одиноко и дико —
Там нет никого. Оплела ежевика
И стены и окна, балкон и порог.
...И где-то несчастный сейчас Потолок?*

Перевели с английского
Наталья и Евгений РЕЙН.

ЗЕМЛЯ НАД ОБЛАКАМИ

З и м а

НОВОСТИ

5 декабря. Кабаны-секачи, избитые и израненные в осенних турнирах, потеряли всякий интерес к шумным компаниям. Укрылись в самые непролазные заросли. Отлѣживаются там, поохивая, на мягкой земле. Раны залечивают, сил набираются.

14 декабря. Морозы заставили кабанов стлать на ночь постели. Стаскивают кабаны в кучу сухую траву, взбивают её хорошенько и ложатся, как на перину. А чтобы нос ночью не отморозить — пяточок у кабанов очень нежный! — устраивают для него носогрейку: прячут нос в самый пышный и большой пук травы. Хвост под себя, уши на себя. И спят.

15 декабря. Наконец-то с гор в предгорья спустились самые упорные: арчовые чечевицы, краснобрюхие горихвостки, оляпки, корольки и синие птицы. Даже они не выдержали суровой зимы наверху. Поменяли четвёртый горный этаж на первый.

17 декабря. Снег засыпал сухую траву. Маленькому клыкату оленю-кабарге до травы не дорыться, до веток на дереве не дотянуться. Приходится объедать со стволов мох и лишайники. Вкусно не вкусно, а надо есть. Больше нечего.

1 января. Лесным обитателям дикие кабаны праздник устроили. Ногами, как плугами, клыками, как лемехами, вспахали они снег и взрыли землю. К ним сейчас же прилетели в гости сойки и лесные голуби-вяхиры подбирать огрызки жёлудей и буковые орешки.

10 января. С Талышских гор спустились в предгорья дятлы. И хоть дятлы птицы лесные, а по тростникам лазают ловко, как камышовки. Пробивают в тростниках дырочки — свирельки делают.

Спустились вниз и сороки. Эти пройдохи расселись на буйволах, ишаках и горбатых зебу. Мух, наверное, склёвывают со спин. А заодно ноги греют.

15 января. По ночам в стаях ворон и галок начались переполохи. Вдруг вся стая срывается с дерева и с криком мечется в темноте. Это на спящих ворон и галок нападают филины.

3 февраля. Следы оленей потянулись в ветровальники, в буреломники, к лавиновалам. Изголодавшиеся звери жадно объедают с поваленных стволов скудные мхи и лишайники. И тому рады!

5 февраля. У чёрной белогрудой медведицы, что с осени залегла в дупло огромной липы, родились медвежата. Четверо. Слепые, глухие, беззубые, чуть шёрсткой прикрытые. Спят да посапывают.

10 февраля. Доконала зима кабанов! Тонут в снегу, наст ноги им порезал и ободрал, пятачки изранены о мёрзлую землю. Голод у кабанов: сдирают кору на буках и пихточках, грызут твёрдые, как копыто, трутовники, гнилушки жуют. И такие худые, что рёбра можно пересчитать!

ГОЛОЛЁД

Туман ледяной, непроглядный, стоишь под деревом, а вершины не видишь. Всякий сучок, каждая ветка в ледяной корке-чехле. Сел дрозд на наклонный сучок и покатился вниз, как по горке. Вспорхнула на ветку синица, поскользнулась, перевернулась, повисла вниз

головой. Ворон в тумане дерева не разглядел, ухнул с лёту в самую гушину — то-то наделал звону!

ОБЖОРКА

Все удивляются на слона: вот много ест! Сено — тюками, овощи — мешками, хлеб — буханками! Но далеко огромному слону до крохотной землеройки. Росточком она с пуговицу, а съедает больше, чем слон. В три раза больше своего веса. Если бы у слона аппетит был такой же, как у землеройки, то съедал бы он в день 12 тонн хлеба, сена и овощей!

БАБОЧКИ ПОД ЗЕМЛЁЙ

В глубь обрыва ушла штольня. Когда-то тут брали для стройки песок. В глубине штольни разветвляется на лазы, проходы и тупики — как рука с растопыренными пальцами.

Мы протиснулись в узкий лаз, осыпая плечами песок.

Хозяевами заброшенной штольни были теперь летучие мыши, мухи да комары.

Летучие мыши лежали и висели в тёмных углублениях стен. Ушаны прятали свои огромные уши в складках кожистых крыльев. А кожаны и ночницы, когда их гладили по шелковистой спине, сердито пищали и скалили зубы.

Мухи зимовали стаями, усыпав ровные стены. Так же зимовали и длинноногие тощие комары. А в тёмных проходах, где бахромой закудрявился иней, спали бабочки-совки.

Когда мы увидели их, мы забыли мышей, комаров и мух!

Бабочки сидели и так и сяк. Крылышки у всех шалашиком, а два усика — как два папоротниковых листка. Но это ещё не всё. На крылышках у них капли воды, большущие — с горошину!

РУЧЕЙ

Ручьи равнин текут издалека, а горные ручьи — свысока. Начинаются они у снежников над облаками и прыгают по камням, как по ступенькам, вниз. По скалам, через горные луга, сквозь леса.

На долгом своём пути сверху вниз ручей много видит — ведь в нём всё отражается! Многие узнаёт — столько всего в него попадает! И во всех горных событиях ручей принимает самое бурное участие: растопляет снега, шлифует скалы, перекачивает камни, подмывает берега, рушит деревья, ворочает брёвна.

Горный ручей болтлив. Сядь на его берегу — в самом низу, где он выкатывает на равнину! — и он разболтает всё, что видел и слышал высоко в горах. Очень удобно! Смотри да слушай. И ноги не надо ломать.

Ручей принёс сверху жёлтые листья — значит, в горных лесах уже осень. Ручей обмелел, просветлел, похолодел — в горах уже зима. А если ручей вздулся и почернел, катит камни и грозно ревёт — значит, в горы пришла весна, начался паводок. А если такое же посреди не лета случилось — значит, обрушился ливень на горы.

Вдруг ручей на глазах начал мелеть, мелеть и пересох! Это вверх лавина сошла, перегородила ручей плотиной. Когда завал размост — внизу вдруг хлынет вода, густая от грязи, с ветками, сучьями, пучками травы.

Летом ручей приносит разноцветные лепестки цветов. Можно узнать, когда в горах начала осыпаться черёмуха, яблони, груши, рябина, боярышник, барбарис, шиповник. Когда отцвели лютики, не-

забудки, ирисы, маки. А потом ручей сообщит, что поспела в горах черешня, яблоки, орехи. Всё можно узнать: когда ели и сосны рассыпают семена; когда ударит в скалах мороз — ручей станет тоненький-тоненький; когда разбухнет в ельниках ветер — в ручье появятся старая хвоя, сорванный мох и лишайники.

Когда я не смогу подниматься в горы, я сяду внизу у ручья, и он мне будет рассказывать обо всём...

СОБЫТИЯ В ОБЛАКАХ НОВОСТИ

25 декабря. По ночам такие морозы, что не знаешь, куда голову преклонить! Кеклики спят в снегу дружным гуртом, вповалку. Каждый норовит залезть в середину и расталкивает других. И хоть спят в тесноте и в обиде, но зато и в тепле!

1 января. Зазимовавшее в горах стадо овец до самой земли растолкало и разбило снег у загона. И сейчас же на оголённую землю слетелись красноносые клушицы, сизые голуби, рогатые жаворонки, пёстрые горные выюрки. Повезло им: весело встретили Новый год! И сытно.

10 января. Снежные бараны устроились на зиму в квартирах с горячим водяным отоплением! Облюбовали укрытое от ветра ущелье с горячим родником. Ноги в воде можно погреть. Вдоль дымящегося ручья и посреди зимы трава зеленеет. И в морозы бараны едят

свежие витамины. И запивают их горячей целебной водой. Вот тебе и бараны...

13 февраля. Хорошо горным кавказским тетеревам! Вылезают утробком из-под снега, как из-под пухового одеяла, и не спеша — завтракать. Снега так завалили склоны, что от берёз одни вершины торчат. На дерево влезать не надо, и на ветру не надо раскачиваться. Подходи, разевай клюв и клюй берёзовые серёжки в полное своё удовольствие.

15 февраля. В лесу на крутых выгребках появились первые «зеленухи» — зелёные пятна травы среди белого снега и бурой земли. А сколько вокруг зелёных птичьих и звериных следов! Все за зиму истосковались без зелени...

25 февраля. Солнце пригревает, и птицы, зимующие в предгорьях, заволновались. Готовятся к перелёту наверх, в горы. Первыми поднялись в горы те, кто спустился с них последними: оляпки, краснобрюхие горихвостки, арчовые чечевицы и синие птицы.

КРАСКА КОНЧИЛАСЬ

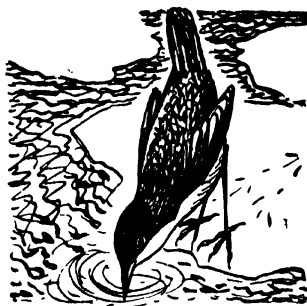
Зима пришла и давай всё белым красить. Не жалеет краски: горные вершины побелила, скалы выбелила, луга перебелила. За лес принялась — каждое деревце, каждый куст подбелила, уж в предгорья спустилась, глядь, а краска-то кончилась. А предгорья не выбелены, ни птицы, ни звери не перекрашены.

Мазнула остатками по ласке — побелела ласка, мазнула по горностаю — и горностаю побелел. Да не совсем: кончик хвоста чёрным остался. Вся краска! Даже на кончик хвоста не хватило.

Остались неперекрашенными чёрные клушицы, вороны, галки, тетерева. Всё вокруг белое, а они чёрные. Просчиталась зима!

ПЕШКОМ ПО ДНУ

Зимует оляпка на быстром незамерзающем ручье. Неплохо живёт. Кругом хоть снег и лёд, а она поёт

песни. На льдинках катается, окунув голову в воду. Высматривает сверху водяных жуков и личинок. Или бродит под водой по дну: легко и ловко, как посуху. Заходит сперва в воду по колено, по живот, по горлышко, окунётся с головой — и даже не замечает! Будто идёт всё по берегу. А сама уже под водой давно! Заглядывает под камешки, взмучивает песчинки. Как что найдёт — так наверх.

Весь день плавает, ныряет, бродит по дну. За день по дну пробегает до двух километров! Такое не всякому и водолазу по силам. Ну и, понятно, ест за двоих!

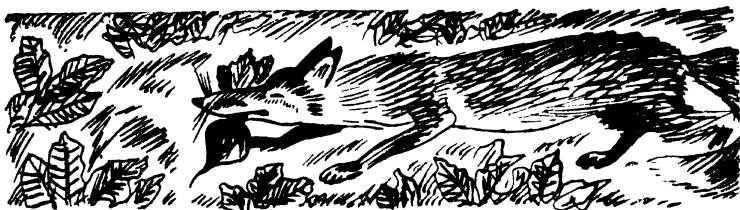
Сытой ложится на камешек, лапки греет. Лежит и поплёвывает жучиными крылышками, как шелухой подсолнухов.

ДЕРЕВЬЯ-АЛЬПИНИСТЫ

Деревья поднимаются в горы. Дуб и каштан под облака поднялись на высоту 1300 метров. Бук и кусты лавровишни забираются в облака, на двухкилометровую высоту. Горные ели забрались выше облаков, на два с половиной километра. Но выше всех, к самому небу поднялась арча — на три с половиной километра! Грызут её там морозы, ветры жгутами закручивают, а она, как настоящий альпинист, всё терпит.

СТЕНОЛАЗ

Птичка чудесная и редкая. За все скитания по горам я видел её всего несколько раз. Мечтал найти гнездо стенолаза, чтобы понаблюдать

за ним досыта! Но так и не нашёл. А ведь находил гнёзда орлов, грифов, синих птиц, уларов...

Стенолаза называют ещё краснокрылом. Оба названия хороши: и крылышки у него красные, и по стенам отвесных скал лазает ловко, как дятел или пищуха по стволу дерева. Он и похож на пищуху: такой же нежный, милый, подвижный. И носик шильцем. Ползёт по скале словно серая мышь, а вспархивает словно пёстрая бабочка. Где-то в трещине скрыто и его гнездо: высоко в скалах, у самых снегов. Но найти его невозможно. Уж очень он у гнезда осторожен. Не тревожится, не кричит, не порхает рядом, как другие птицы. Вспыхнет крылышками и исчезнет, погаснет.

Всю жизнь на заоблачных скалах. И только в суровые зимы спускается он в предгорья. Тогда можно увидеть его даже в больших городах: как по скалам, лазает он по стенам домов. Тут, наверное, и называли его стенолазом. А по-настоящему-то он скалолаз. Скалолаз-краснокрыл!

КАВКАЗ

В горах выпал... чёрный снег! Сперва сыпал белый, но вдруг, ни с того ни с сего, посыпал чёрный! Вычернил снег горные склоны. Альпинисты в шутку слепили чёрного снеговика, кидались чёрными снежками. Руки и рукавицы у них от этого стали грязными. А когда снег растопили в котелке, на дно осела чёрная муть.

Все уверены, что вихрь пригнал из предгорья густое облако городской сажи и копоти, и снег, падая сквозь грязное облако, почернел.

АЛАТАУ

Кто-то повадился по ночам воровать свёклу.

Грабёж каждую ночь. То из земли свёклу выкопают, то разворошат свекольный бурт. На месте преступления одни огрызки. А следов нет, потому что нет снега. А без отпечатков пальцев преступника не опознаешь.

— Зайцы, кому же ещё — ругается сторож. — Заячья школа! Мало им капусты с морковкой, за свёклу принялись. Вот я их ужо!

И засел на ночь с ружьём. Ждёт зайца — зверя прыгучего и короткохвостого. А появляется вдруг зверь ползучий и длиннохвостый! Плывёт между рядами грядок, словно шука в волнах. И шука на нём от луны переливается, как чешуя. Зверь разворошил край бурта и давай свёклу хрумкать!

Сторож сразу зверя узнал, а глазам не верит! Где ж это видано, чтоб свёклу... лиса крала? От удивления и про ружьё позабыл.

Видать, с голодухи-то и лиса в огород лезет. Как козёл или заяц. Свёкла, конечно, не курочка, да ведь и голод — не тётка!

СИХОТЭ-АЛИНЬ

На незамерзающую протоку по ночам прилетает... филин! Ну если бы ещё селезень зазимовавший, баклан или крохаль — куда бы ни шло. А то филин — хищный птицелов и зверолов. Зачем ему рыба? Всю закраину у полыньи истоптал.

Да, нужна ему у воды... рыба! Потому что не простой это филин, а филин особой породы, филин-рыболов. И хоть живёт он в лесу, но

ловит не зверушек и птиц, а рыбу. Его так и называют — рыбный филин.

АЛТАЙ

Трешат морозы в горах — словно из винтовок стреляют. Морозобоины расщепляют стволы сверху до низу, будто молнией. На лету замерзают вороны. Лесорубы целыми днями жгут костры на вырубках. А ночью, когда никого вокруг нет, к кострам из леса приходят рыси. Приходят полежать и погреться на тёплой золе. По их следам видно, что лежали они до рассвета, пока совсем не остыла зола. А потом ушли на охоту.

КАВКАЗ

Лесник колот на кордоне дрова. Здоровое попалося полено, коряжистое и дуплистое. Такое не расколешь без клина. Втиснул лесник в трещину клин да как даст обухом! Полено расселось, а из дупла выпало восемь сонных полчков. Восемь серых зверушек, похожих на белку. Скрюченные, окостенев-

шие, на вид мёртвые. Лесник занёс их в дом и положил возле печки. И через час полчки ожили! Стали потягиваться, зевать, чесаться. Удивлялись, наверное: заснули в лесу, в дупле, а проснулись в комнате!

Полчков относят к семейству сонь. Не зря относят! В году 8760 часов, так из них 7580 часов полчки без просыпу спят — с осени и до лета! Да потом целые дни спят, потому что зверьки они ночные. И по ночам ещё спят, если вдруг ночью дождь, сильный ветер или просто холодно. Больше трёх четвертей своей жизни спят! Настоящие сони.

СОЮЗ РЕСПУБЛИК

Стойбище

На Чукотке, на Чукотке,
Там, где горы Пекульнеи,
На Чукотке, о которой
Помню даже и во сне я,
Там, где родина моя,
Где повсюду — дома я,
Есть у быстрого ручья
Стойбище знакомое.
Люди в стойбище живут,
Как и деды наши жили.
Ты слышал, чтоб крышу...

шили?

А у нас вот крышу шьют!
Шьют её из шкур оленьих,
И зимою крыша эта
Греет нас на удивленье
И даёт прохладу летом...
Кстати, наше лето — это
Солнце ночью, солнце днём.
Дышит всё, поёт, смеётся...
Лето...
Нет, потом о нём.
Летом стойбище стоит
На одном и том же месте.
Ну, деревня. Ну, стоит...
Но она зимою... ездит!
Правда, ездит не сама...
Мне вдали от тундры снится,
Как олени вереницей
За собой везут дома.

Случай

Был вьюжный и холодный день.
Мой Серый (это наш олень)
К яранге, слышу, подошёл.
Замёрз, наверно: ветер зол...
Я говорю ему тогда:
— Эй, Серый, заходи сюда —
Погреться, выпить чаю...
Зайди, я приглашаю!
Но постеснялся он, чудак.
Ушёл. А мне обидно так!
Мы столько с ним дружили!
Свои ведь, не чужие...

П р а з д н и к

Весною в тундре справляют праздник
В честь молодых оленят.
Приехали гости из стойбищ разных,
Бубны вовсю гремят.

Сколько оленьих рогов за ярангой!
Сколько готовится вкусных блюд!
Гости рады, хозяева рады,
Солнце светит, а люди поют.

А бабушка — ей уже мно-го лет —
Верит в забытые, тёмные слухи,
Будто бы где-то живут на земле
Сказочно злые и добрые духи.

Чтобы задобрить строптивых божков,
Наши прабабушки много веков
Им оставляли кусочек еды,
Им наливали студёной воды.

Кто же теперь в эти рассказы верит!
Но ведь привычки бывают сильны!
Скоро совсем уже ветер развеет
Эти остатки седой старины.

...Бабушка внучку в ярангу зовёт,
С лучшей едою мешочек даёт:
— Ну-ка, снеси это всё к оленятам.
Ты ведь, конечно, сегодня была там?
Значит, найдёшь непременно дорогу.
Это — еда для Оленьего бога.
Знаешь, какой он? Главнее всех!
Брось ему всё и скорей возвращайся.
Только не ешь ни кусочка — грех!
Может от нас отвернуться счастье!
Внучка от бабушки в стадо спешит.
Где бог?

Очень странно, но бога не видно!
Не съестъ ни кусочка? Уж очень обидно...
Кусочек, кусочек...

...Позёмка шуршит.
Наелась, обратно идёт еле-еле.
А в хитрых глазёнках горит торжество:
— Ой, баба, мы всё с оленятами съели,
А бог мне сказал: «Не хочу ничего!»

Перевёл с чукотского
Р. ДОБРОВЕНСКИЙ

ЧТО ТАКОЕ АГРЕГАТИРОВАНИЕ?

ИДЕИ ПРИХОДЯТ ИЗ СКАЗОК

Давно ли бабушки с затаённым дыханием слушали рассказы о волшебном ковре-самолёте? Воображение рисовало им захватывающие картины: зыбкую поверхность ковра, надутую ветром, развевающиеся волосы, а где-то далеко внизу, между небом и землёй, сорванный с головы платочек, падающий, словно подстреленная птица. Такой полёт казался им не менее потрясающим, чем нам трансгалактический прыжок сквозь искривлённое пространство — время на могучем гравитолёте.

И что же? Сегодня бабушки, решительно затянув платочки, поднимаются по трапу реактивных самолётов, чтобы навестить своих внучат в Киеве или Новосибирске. Но заметьте, слово «самолёт» — не технический термин. Нет. Оно пришло в нашу жизнь из доброй старой сказки. И это неудивительно: ведь сказки — мечты народа. А настоящие большие мечты рано или поздно обязательно должны сбыться. И вот недавно пришёл черёд воплотиться в жизнь одной из самых невероятных и захватывающих из них — «Сказке о волшебной палочке».

«Поклонился Иван-царевич доброму страннику, подошёл к журавлю колодезному, прикоснулся к нему волшебной палочкой, и стал журавль воронным конём с подковами серебряными».

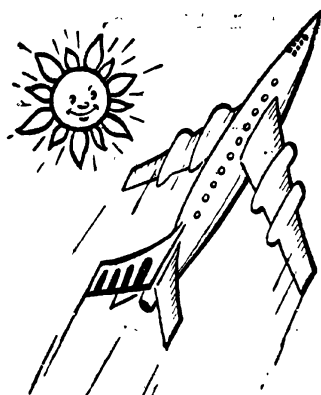
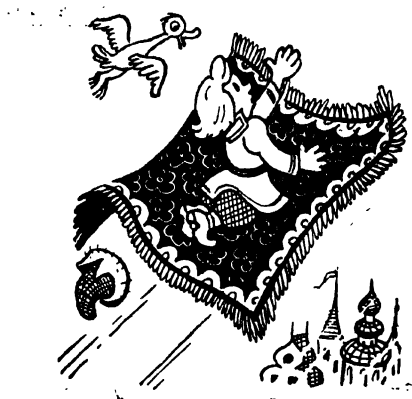
Не правда ли, заманчиво — из одной вещи сделать другую, совершенно на неё непохожую? Ну, например, из трактора — тепловоз. Ещё недавно такое казалось невозможным. Сегодня это возможно. А завтра станет повседневным делом.

Но что же это за волшебная палочка? Это — агрегатирование.

Даже в Большой советской энциклопедии второго издания мы не найдём слова «агрегатирование». Потому что это понятие — совсем новое. Зато там есть другое слово — «агрегат», которое происходит от латинского «aggregare», что значит — присоединять. В технике агрегатом называют сложные части машин. Зная это, уже нетрудно догадаться о смысле слова «агрегатирование». Оно означает — создание различных машин из одного и того же набора агрегатов.

Чтобы лучше понять смысл сказанного, вспомним детский «конструктор». Вы все, конечно, хорошо знаете эту игру. Она почти то же, что рисование, только здесь ваши замыслы воплощаются не в тонких, готовых размазаться от неожиданного прикосновения контурах рисунка, а в увесистом поблескивающем металле.

Из одних и тех же деталей — планок, уголков, колёсиков — вы собираете множество самых различных вещей — всё, что подсказывает фантазия: грузовик, паровоз, подъёмный кран. Но у «конструктора» есть важное преимущество перед рисованием — грузовик, изображённый на бумаге, так и остаётся грузовиком, даже бумагу, на которой он нарисован, не используешь во второй раз. А если грузовик собран из деталей «конструктора», его можно превратить во что угодно. Разобрал грузовик — собирай самолёт. Пожалуйста!

То же самое и в агрегатировании. Только вместо игрушечных деталей здесь используются целые агрегаты — части настоящих машин. Из них-то и собираются различные станки и механизмы. Вот вам и «волшебная палочка»!

ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО?

Может быть, кто-то подумал: зачем, собственно, переделывать одни машины в другие? Не лучше ли работать на тех, что есть? Нет, не лучше...

Бывая в магазинах, вы, наверное, не раз с огорчением подмечали, что выставленные в витринах товары очень редко обновляются. Вот, например, замки для портфелей, чемоданов. Заводы выпускают их без изменений уже лет пятнадцать. Вам хочется купить новый портфель с красивой, оригинальной застёжкой. Но напрасно ваши глаза блуждают по стеллажам — везде одни и те же надоевшие замки. Вот и приходится покупать вещь, которая вам совершенно не нравится. Вы идёте домой, недоумевая, почему заводы не могут, наконец, выпустить красивые современные замки для портфелей.

А не могут они сделать этого по нескольким причинам. Главная — та, что приспособления, на которых они изготавливаются, специализированные, предназначенные для выпуска только одного вида изделий: тех самых злополучных замков. Чтобы сделать новые, модные, современные замки, понадобилось бы другое оборудование. А старое? За ненадобностью выбросить в металлолом? Но ведь оно очень дорого стоило! В него вложено много труда рабочих и инженеров. Можно ли так легко с ним расстаться? Конечно, нет.

Но даже допустим, что старые станки мы всё-таки «пустили в расход». За большие средства приобрели новые и начали выпускать наимоднейшие портфельные замки. Прошёл год-другой, и замки опять устарели. Что же делать? Опять покупать новое оборудование? Но ведь мы и старое не успели оправдать. А между тем иного выхода нет, если наши станки — обыкновенные.

Другое дело, если они агрегатные! Тогда за считанные часы их можно разобрать и, как в «конструкторе», собрать из них уже совершенно другие. Не пройдет и нескольких дней, как в общем-то на том же самом оборудовании мы наладим массовый выпуск новой продукции и на прилавках магазинов появятся вещи, отвечающие самым взыскательным вкусам.

Конечно, очень важно делать ~~элегантные~~ ~~современные~~ вещи, такие, чтобы они всем нравились. Но ещё более важно, чтобы те машины, станки, приборы, которые выпускает наша промышленность, тоже вовремя обновлялись. Здесь уже не мода заставляет нас срочно останавливать завод, снимать с конвейеров старую машину и начинать делать новую, а технический прогресс, то есть движение техники вперёд.

Каждый год наши и зарубежные учёные и инженеры создают новые, невиданные ранее машины. Что произойдёт, если мы, как и в случае с замками портфелей, 15 лет подряд будем выпускать всё ту же устаревшую машину? Конечно, мы отстанем от других стран. Этого мы допустить не можем. Вот почему XXIV съезд партии одной из основных задач, стоящих перед страной, назвал дальнейшее развитие технического прогресса, а агрегатирование как раз и позволяет быстро и с наименьшими затратами переходить на выпуск новейших машин. Поэтому очень важно как можно скорее перевести промышленность на выпуск агрегатного оборудования вместо традиционного — «одноразового».

«МАСТЕР НА ВСЕ НОГИ»

А теперь познакомимся с агрегатным станком поближе. Откроем тяжёлую, обитую железом дверь и войдём в цех большого завода. На улице было пасмурно, а здесь сияют лампы «дневного света». Высоко над головой, словно купол цирка, поблескивает застеклённый потолок. Вдоль стен бесшумно скользят подъёмные краны, перенося с места на место тяжёлые металлические заготовки.

Когда они их опускают, бетонный пол под ногами вздрагивает, как от удара тяжёлого молота. Воздух в цехе тёплый, со сладковатым привкусом машинного масла. Над станками, поблескивающими свежей краской, деловито склонились рабочие. Они так увлечены своим делом, что на нас никто даже не обращает внимания. Ну что же, давайте попробуем найти агрегатный станок сами.

Вот в станке справа от нас что-то пронзительно засвистело. Это фреза — круглый резец с множеством зубьев. Внешне она похожа на обыкновенную шестерёнку, только зубья её очень острые и очень твёрдые. Вращаясь, «шестерёнка» впицается в блестящую стальную болванку, и делает это так легко, словно болванка выполнена из пластилина. Фрезы бывают самых различных «фасонов», поэтому надрезы, оставленные ими в металле, могут быть различными. Станок, на котором металл режут фрезой, так и называется — фрезерный.

Впрочем, мы могли бы его узнать не только по фрезе. Рядом со станком громоздится пирамида деталей, на каждой из них ярко блестит паз, только что вырезанный фрезой. Значит, можно не сомневаться — это фрезерный станок. Хороший станок. Нужный. Но мы-то ищем агрегатный, так что пошли дальше.

Едва мы делаем несколько осторожных шагов, как за спиной раздаётся автомобильный гудок. Мы отскакиваем в сторону и недоуменно оглядываемся. Откуда здесь автомобиль? Оказывается, что всего лишь электрическая тележка — кар. Он катит вдоль узкого цехового пролёта, нагруженный какими-то ящиками. Управляет каром молодой рабочий в комбинезоне. Он совсем не сердится на нас за то, что мы чуть не попали под колёса, наоборот, улыбается и предлагает подвезти. Мы усаживаемся на ящик и катим по цеху.

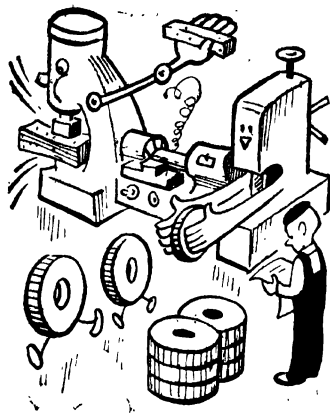
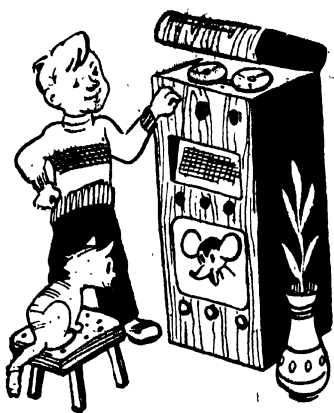
Впереди появляется группа станков, окрашенных в цвет слоновой кости. Только их движущиеся части, опасные для человека, окрашены ярко-красной краской. Кар подъезжает к станкам. Мы спрыгиваем на землю, подходим ближе. Пожилой рабочий, не спеша, но точно и уверенно устанавливает в огромные тиски большую, чисто отструганную железную плиту. Поворачивает ручку управления — оживает огромный блестящий штопор — сверло. Вот оно приближается к плите, и тонкая паутинка стружки вырывается из металла. Она становится всё толще, завивается кольцами, сползает на пол. Сверло уходит всё глубже, стружка становится тёмно-синей: это она раскалилась от трения режущих кромок сверла о металл. Ещё небольшое усилие, и сверло насквозь протыкает плиту. Рабочий ловко извлекает её из тисков и кладёт рядом с другими. В каждой плите зияет только что высверленное отверстие. Да, это, конечно, сверлильный станок.

Но как же найти агрегатный? Вспомним, в чём его главное отличие? В том, что он может «перестраиваться» и делать разные операции. Значит, и детали, которые он обработал, должны быть разными.

И вот мы идём по цеху, внимательно приглядываясь к деталям, сложенным аккуратными штабелями у каждого рабочего места.

Проходим почти весь цех и... вдруг останавливаемся у внешне ничем не примечательного станка. Он выкрашен в обычный зелёный цвет. Краска на нём местами облупилась и обнажила потемневший металл. Обыкновенная станина — основание, обыкновенный электромотор, приводящий его в движение. Правда, мотор укреплён в непривычном месте — сверху. Словом, станок внешне ничем не примечателен. Тогда почему же около него громоздятся две пирамиды деталей, а не одна, как у других станков? Да и детали какие-то разные. Одни явно обработаны на фрезерном станке — на них хорошо виден шлиц, прорезанный фрезой. Другие, несомненно, побывали на сверлильном, потому что в них сделаны аккуратные круглые отверстия. Но если станок может делать и те и другие операции, значит, он агрегатный?

Не будем спешить с выводами. Постоим немного поодаль и посмотрим. Рабочий высверливает последнюю деталь и переносит её в общую кучу. К нему подходят двое других, какое-то время они что-то озабоченно обсуждают, то и дело заглядывая в чертежи. Потом берутся за гаечные ключи и... больше не теряя ни минуты, начинают разборку станка. Скоро от него отделяются верхние головки с электромотором, потом средняя часть. У нас на глазах станок распадается на несколько частей. Так вот они, знаменитые агрегаты! Лежат на подстеленном брезенте. Из мест соединения торчат, как растопыренные пальцы, железные шпильки с резьбой. Тонкой стружкой стекает с них разогретое машинное масло,

Теперь-то мы сможем хорошо осмотреть каждый агрегат. Всего их девять: массивная железная стойка лежит рядом с силовой бабкой — той самой, на которой укреплён электромотор. Чуть поодаль — шпиндельная коробка. На каждом из её шпинделей можно укрепить сверло или фрезу, что угодно. Все девять агрегатов лежат, словно детали в картонной коробке «конструктора». Только над ними хлопочут не первоклашки, а опытные рабочие. Вот они поднимают стойку, крепят её к станине, присоединяют другие агрегаты. Но теперь каждый из них крепится уже немного по-другому. Весь станок становится приземистее, вытягивается в ширину и заметно уменьшается в «росте».

Теперь он будет выполнять так называемые центральные операции — вырезать в большущих заготовках отверстие в точно заданной центральной точке. Но это не всё. Станок может за короткий срок «сменить» девять профессий и, соответственно, заменить девять станков, у которых всего одна специальность. Прямо не станок, а мастер на все руки.

— Девять профессий — это много. Но не предел, — улыбаются рабочие, которые только что закончили сборку «мастера» и присели отдохнуть.

— Сходите-ка в соседний цех, — советуют они. — Там вы увидите станок поинтереснее.

Мы идём в соседний — кузнечно-прессовый цех. Множество огромных машин величиной с дом вздымаются к потолку. Нет-нет и какая-нибудь из них басовито ухает, опуская тяжёлый молот на заготовку. Стоит положить под него толстенный железный прут, и его расплющит, как макаронину под каблуком. Да, силища! Недаром эти машины называют не привычным словом — «станок», а более солидным — «стан». Однако посмотрим вокруг: где же тот станок, о котором говорили рабочие? Вряд ли это один из огромных станов, ведь рабочие ясно сказали: «станок». Значит, он должен быть поменьше.

Ага, вот, нашли! Сделать это было не так уж трудно. Потому что два одинаковых станка стояли рядом. Агрегаты, из которых они были собраны, ничем не отличались. Но вот их расположение или, правильнее, компоновка была разной. Один станок напоминал человека, который вытянул руки в стороны на высоте плеч. На каждой «руке» было по большому барабану со стальной лентой. Лента, точно два рукава, тянулась прямо в зев работающего стана. Он то и дело сжимал свои железные челюсти и выплёвывал с обратной стороны круглые железные пластины величиной с доньшко тазика. Другой станок тоже напо-

минал фигуру человека, только с одной рукой. Она была у него поднята вверх, и в ней был уже не барабан, а что-то похожее на большой бидон.

Нет, всё-таки, конечно, не бидон, а барабан, и уже не со стальной лентой, а с толстой железной проволокой. Проволока тянулась к другой машине, которая заглатывала её, как «тянучку», и рубила на совершенно одинаковые куски. Они со звоном шлёпались в подставленный ящик. Всё делалось без участия человека. Рабочий, стоявший у машины, лишь изредка поглядывал то на разматывающий станок, то на пресс, проверяя, всё ли в порядке.

Наконец проволока на разматывающем станке кончилась. Барабан немного покрутился по инерции и замер. Мы подошли к станку и увидели на его станине блестящую пластину. На ней были изображены 28 станков. Ровно столько, сколько можно скомпоновать из одного-единственного разматывающего станка, потому что он агрегатный. Ну что же, если первый из увиденных агрегатных станков мы справедливо называли мастером на все руки, то этот определённо не только мастер на все руки, но и на все ноги, — иначе его не назовёшь!

АГРЕГАТЫ ДОМА

Принцип агрегатирования хорош не только для промышленности. Он может сослужить добрую службу в стенах любой квартиры. В каждой семье сейчас, как правило, есть телевизор, приёмник, проигрыватель, часто магнитофон или радиола. Но как они обычно размещаются? Телевизор стоит на специально купленной подставке. Приёмник — на вышедшем из употребления столе с книгами, коробками и старыми статуэтками. Магнитофон ютится на крышке письменного стола и всем вечно мешает, а проигрыватель извлекается из-за шкафа только в торжественных случаях. Каждая из этих вещей чужда другой. Телевизор «не стыкуется» с проигрывателем, а магнитофон — с приёмником. Если их сложить вместе, получится безобразная свалка. Потому что все они сделаны порознь, в отрыве друг от друга.

Теперь представьте, что ваш приёмник имеет такие же размеры, как и телевизор. Оба отделаны полированным деревом под стать друг другу, а их ручки, никелированные накладки и переключатели — словно братья-олята на одном пенёчке. Точно так же оформлен проигрыватель с магнитофоном. Вместо разрозненных динамиков звук всей домашней радиоаппаратуры воспроизводит стереофонический усилитель, выполненный в виде элегантной тумбы. Словом, все радиоаппараты великолепно гармонируют друг с другом.

Если вы привыкли смотреть телепередачи с низкого диванчика, то можете поставить телевизор прямо на пол. Никакая подставка вам не понадобится — ведь телевизор сконструирован так, чтобы его можно было поставить, куда угодно. На него вы водружаете приёмник. Всем своим весом он ложится на крышку телевизора и плотно прижимается к ней. Вы отходите на несколько шагов в сторону и любуетесь своей работой. Оба аппарата слились друг с другом: ни дать ни взять — радиотелеприёмник! Потом вы точно так же ставите проигрыватель, стереотумбу и, наконец, на самый верх — магнитофон. Дело сделано. В вашей квартире появился невиданный радиокомбайн. Если же он надоест, вы легко его разберёте и уложите по-другому, как детские кубики: одной большой колонной, или двумя маленькими, или вдоль стены — как вам заблагорассудится. Во всех случаях гармоничные, сделанные с большим вкусом аппараты будут хорошим украшением вашей квар-

тиры. Именно такой комплект домашней радиоаппаратуры разработал недавно Всесоюзный институт технической эстетики. Разработал, руководствуясь принципами агрегатирования.

Этот проект коснулся только лишь радиоприборов. Но ведь агрегатными можно сделать и многие другие вещи. За последнее время в продаже появилось немало «многовариантной» мебели — кресла легко превращаются в кровати, шкафы типа «секретер» — в столы. И это только начало. С каждым годом будет выпускаться всё больше агрегатных вещей, способных, словно по мановению волшебной палочки, преображаться у нас на глазах.

Всё больше будет агрегатных станков на наших заводах и фабриках. А это позволит быстро перестраивать производство и выпускать новую технику в невиданно короткие сроки. Значит, ускорится технический прогресс и приблизится заветная цель нашего общества — построение материально-технической базы коммунизма.

Анатолий МАТЮНИН

Морозное утро

*Стынет, ёжится осинка
На пригорке, на виду.
И звенит, звенит тропинка,
По которой я иду.
А морозец, бедокура,
Треплет за уши меня.
И толпится ельник, жмуясь
У рябины — у огня.
Голубеют кольца дыма —
Я немедля сторонюсь:
Нагрузившись сеном, мимо
Лихо катит «Беларусь».
Дятел вести шлёт кому-то.
Даль лучиста и светла.
Хорошо морозным утром
За околицей села!..*

Рис. Г. Ясинского

Фасад дома № 31 по 14-й линии Васильевского острова украшает мраморная мемориальная доска. На ней написано:

В этом доме
с 1912 по 1941 год
жил первый конструктор
парашюта в России
КОТЕЛЬНИКОВ Г. Е.

До войны мне довелось близко познакомиться с парашютным делом. То было время, когда наши спортсмены устанавливали мировые рекорды в прыжках с парашютом. Они прыгали с такой высоты, которая казалась тогда фантастической, совершали затяжные прыжки, раскрывая спасительный парашют лишь за 300—400 метров от земли. Советские парашютисты прыгали ночью в кромешной тьме, точно приземляясь в заданном месте.

Будучи корреспондентом газеты «Ленинградская правда», я присутствовал при установлении целого ряда рекордов парашютистами Ленинградского военного округа и Осоавиахима. Однажды среди спортивных комиссаров, проверявших приборы, время, точность приземления, я увидел незнакомого

человека. Был он уже в годах, очень аккуратно одет, тщательно выбрит, держался прямо. Все комиссары и участвовавшие в прыжках парашютисты относились к нему с каким-то особенным, я бы сказал, подчеркнутым уважением. Конечно, я заинтересовался, кто он.

— Глеб Евгеньевич Котельников, изобретатель современных парашютов, — ответили мне.

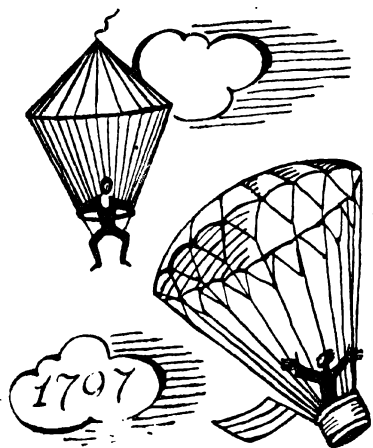
Каюсь, я и не подозревал, что ещё жив конструктор парашюта и что живёт он в нашем городе. А узнав об этом, тут же захотел побеседовать с Котельниковым, чтобы опубликовать его рассказ на страницах газеты. Глеб Евгеньевич любезно согласился и пригласил меня к себе.

В назначенный день я приехал к знаменитому изобретателю. На стенах комнаты было много снимков. На некоторых я видел молодого Котельникова, а на одном он был заснят с парашютным ранцем за спиной. Удивили меня, однако, не эти «парашютные» снимки, а совсем другие. То были прекрасно отпечатанные фото, запечатлевшие, казалось, разных людей: одни с усами и бородами, другие только с усами, третьи безбородые, — все в разных одеждах и головных уборах... А оказалось, что я рассматривал снимки одного и того же человека — Глеба Евгеньевича Котельникова.

В молодые годы он был артистом труппы Народного дома, и на снимках фотограф запечатлел его в разных ролях. Публика знала этого артиста под фамилией Глебов-Котельников.

В то утро Глеб Евгеньевич был в отличном настроении и рассказывал мне много любопытного из своей жизни.

— Да, я был профессиональным актёром, но с детства билась во мне изобретательская жилка. Всегда что-нибудь изобретал. У нас вся семья «техническая». Казалось бы, и передо мной лежала прямая дорога в технику, если бы не страстное моё увлечение теа-

тром. И театр взял верх... — рассказывал Глеб Евгеньевич.

Далёкий прапрадед его — Семён Котельников был одним из учеников первого русского академика Михаила Ломоносова. Отец Глеба Евгеньевича — профессор механики и высшей математики в Лесном и Технологическом институтах. Сам же он был удивительно разносторонне одарённым человеком: писал пьесы, сочинял музыку и был автором нескольких популярных романсов, прекрасно играл на скрипке. За столярным и слесарным верстаками, за токарным станком он слыл подлинным умельцем. К тому же Глеб Евгеньевич увлекался спортом — гимнастикой, фехтованием, автомобилем. Но над всем властвовал театр.

И всё же...

Это произошло 24 сентября 1910 года. В Петербурге, на Комендантском аэродроме, проводилась так называемая «авиационная неделя» — праздник воздухоплателей. Первые русские лётчики демонстрировали свои полёты на глазах многих тысяч людей, привлечённых небывалым событием.

Поехал на аэродром и Глеб Евгеньевич со своей женой. Самолёты тех времён мало имели сходства с сегодняшними. Недаром их называли «летающими этажерками». Строили их из дерева.

Программа полётов на этих аэропланах намечалась обширная. Уже были достаточно известны и участники «авиационной недели» — лётчики Ефимов, Уточкин, Мациевич.

Но праздник был омрачён неожиданным несчастьем. В воздух на своём самолёте «Фарман» взмыл авиатор Лев Мациевич. Но что это?.. «Фарман» качнулся, накренился на правое крыло и перешёл в падение, разваливаясь в воздухе на части. Камнем полетел вниз и сам авиатор...

Через несколько секунд всё было кончено. Гибель Льва Мациевича стала первой жертвой русской авиации.

Всё это видел Котельников. Смерть Мациевича потрясла его. «Неужели нет никаких средств для спасения лётчика в случае аварии самолёта?» — думал Глеб Евгеньевич. Вечером он должен был выступать в театре, а катастрофа на аэродроме неотступно стояла перед ним. Котельников был мрачен и глубоко подавлен. Неужели действительно нет никакого выхода?

В эти дни в нём снова проснулся изобретатель. «Выход должен быть найден!» — решил про себя артист Народного дома и устремился в энергичный поиск.

У вас может возникнуть вопрос: были ли в то время парашюты? Да, были! Ещё четыре столетия назад идея создать парашют увлекала великого итальянского учёного Леонардо да Винчи. В его бумагах нашли проект парашюта.

С появлением первых воздушных шаров остро потребовались спасательные средства на случай аварии аэростата. Появились и парашюты — громоздкие, тяжёлые сооружения. Пилотам, начинавшим летать на аэропланах, они негодились. Беда в том, что парашют располагался отдельно от лётчика. Правда, один изобретатель попытался создать такой парашют, который бы надевался на лётчика. Это австрийский портной Рей-

хельт. Искусный мастер своего дела, он сшил такой плащ, который при надобности превращался в большой зонтик. Но с каждым годом всё больше погибало лётчиков при авиационных катастрофах. Во Франции был объявлен конкурс на создание надёжного спасательного средства. Крупная премия ожидала того, кто предложит парашют, который весил бы не более 25 килограммов и мог обеспечить спуск с высоты не меньше чем 200 метров со скоростью, не превышающей 4 метров в секунду.

Рейхельт решил попытаться счастья. Он уже опробовал свой плащ-парашют, правда неудачно: при прыжках с крыши двухэтажного дома парашют не раскрывался. Портной, однако, упорствовал, объясняя неудачу недостатком высоты. И он рискнул прыгнуть с Эйфелевой башни в Париже.

О предстоящем событии парижане узнали из газет. В назначенное время десятки тысяч людей запрудили улицы вокруг Эйфелевой башни. Операторы из кинофирмы «Патэ» приготовились заснять смелый опыт на плёнку.

И вот Рейхельт в своём плаще появился на одной из площадок на высоте 63 метра. Толпа застыла в ожидании.

Слегка разогнавшись, портной прыгнул. Он падал стремительно вниз, а парашют не раскрывался. Лишь над головой изобретателя сильный ветер трепал кусок материи. Рейхельт разбился насмерть.

Глеб Евгеньевич Котельников внимательно изучал всё, что было создано в этой области до него. Он рассуждал: парашют должен быть

всегда вместе с лётчиком, а не лежать где-нибудь отдельно в самолёте. Девизом всей его работы стали слова: «Всегда при мне!»

Для того чтобы парашют действительно находился всегда при пилоте, он должен быть лёгким и не занимать много места. Как этого достичь? Из какого материала его сделать? А ведь предстояло ещё устранить весьма серьёзный недостаток известных в то время парашютов. Они обычно присоединялись к поясу человека с помощью верёвки. При раскрытии купола рывок был таким сильным, что человека перегибало, он испытывал острую боль. Повиснув на верёвке, пилот вертелся волчком.

Случай помог Котельникову выбрать материал. Однажды в театре во время антракта одна артистка достала из сумочки шёлковую шаль. Вынула она небольшой комочек, а развернула — диву дался Котельников! Артистка решила похвастаться шалью и, сняв с пальца кольцо, легко протащила через него шёлковое полотнище.

«Это то, что нужно, — решил Глеб Евгеньевич, — шёлк прочен, эластичен, легко скользит, что важно при раскрытии парашюта. Он лёгок и, свёрнутый, займёт мало места».

А вот как Котельников решил задачу прикрепления парашюта к прыгающему человеку. Вы, наверное, знаете, что такое стропы. Изобретатель соединил их не в одном пучке, а разделил надвое, прикрепил к двум подвескам под лямками парашютиста. Теперь уже человек не вертелся под куполом, подобно волчку.

Но изобретатель пошёл ещё дальше. Он усовершенствовал подвеску, сделав её из нескольких ремней — поясного, нагрудного, двух плечевых и ножного обхвата. Теперь сила рывка распределялась равномерно по всему телу и не причиняла боли.

Всё продумано и рассчитано. Настала пора приступить к непосредственным практическим испытаниям. Конечно, об опытах с парашютами на людях пока ещё нечего было и думать. Для начала Котельников сконструировал небольшой парашют и манекен, представляющий собой авиатора в шлеме. Парашют был настолько мал, что Котельников поместил его в шлеме манекена.

Испытания Глеб Евгеньевич решил провести в Стрельне, на даче. Здесь, с крыши дачи, Котельников, которому помогали его молодые племянники, бросил манекен. Парашют легко раскрылся, и кукла плавно спустилась на землю.

В течение почти целого дня манекен сбрасывали десятки раз, и при этом не произошло ни единой «осечки».

Конструктор был рад: он увидел, что его технический замысел правилен.

Наступала вторая очередь работ. Надо было рассчитать размеры парашюта для манекена, вес которого равнялся бы примерно весу человека, то есть 80 килограммам. Ясно, что придётся сшить и гораздо больший парашют. С помощью расчёта Глеб Евгеньевич убедился, что площадь парашютного купола должна занимать 50 квадратных метров. Но когда он изготовил такой парашют, то оказалось, что в шлем манекена-авиатора он не войдёт. Где же его поместить? Котельников ни на минуту не забывал девиза «Всегда при мне!». Решение было найдено: парашют надо поместить в ранце, который пилот наденет себе за спину.

Глеб Евгеньевич изготовил ранцевый парашют в одну десятую натуральной величины и такой же манекен. Но где провести опыт?

Ведь высота дачи для этого испытания слишком мала. Кроме того, испытание следовало проделать в глубокой тайне. Ведь изобретение не было ещё нигде зарегистрировано, или, как говорят, запатентовано. Любой мог подсмотреть и присвоить себе то, над чем так долго бился Глеб Евгеньевич. Поэтому решили уехать подальше от Петербурга.

Испытания производили в районе Новгорода. Чтобы поднять манекен с парашютом и ранцем на высоту 50—60 метров, решили использовать обыкновенный воздушный змей. Змей, конечно, поднимет куклу, но как добиться, чтобы она «прыгнула» и при этом выдернула парашют, уложенный в ранце?

Манекен припоясали к шнуру поясом из бечёвки чуть пониже змея. Другую бечёвку, потоньше, прикрепили одним концом к крышке ранца, а другим — тоже к шнуру. Перед запуском змея Глеб Евгеньевич накинул на пояс манекена подожжённый с двух концов трут.

Змей с манекеном давно уже парил в воздухе, а трут медленно тлел. Наконец он пережёг пояс, и манекен полетел вниз. Привязанная к крышке ранца бечёвка натянулась, открыла крышку и оборвалась. А следом белым куполом сверкнул и парашют.

Все опыты, проведённые под Новгородом, прошли вполне удачно. Возвратившись в Петербург, Котельников решился наконец зарегистрировать своё изобретение.

Уверенный, что теперь его идею не украдут, Глеб Евгеньевич 27 октября 1911 года направился в военное министерство.

Люди, рассмотревшие изобретение, отозвались о нём одобрительно, но принять для использования в авиации отказались. За... ненадобностью. Они были равнодушны к тому, что при катастрофах лётчики гибнут, считая, что это неизбежно. Котельников был вне себя от возмущения.

«Быть может, они отказались потому, что не видели действия парашюта в воздухе? — думал изобретатель. — Тогда надо добиться, чтобы они увидели это и поняли, что парашют на аэроплане так же необходим, как на пароходе спасательный круг».

Так рассуждал Котельников и тут же с горечью думал о том, что изготовить настоящий большой парашют с ранцем, рассчитанный на человека, ему не под силу, не хватит денег. Откуда было взять деньги, если Глеб Евгеньевич жил на жалованье, которое получал в Народном доме?

В ту пору обо всех изобретениях, заявленных в специальный комитет, через некоторое время сообщалось в газете «Вестник промышленности». Напечатали в ней и о парашюте Котельникова. И через пару дней Глеб Евгеньевич получил приглашение прийти для переговоров в помещение фирмы некоего В. А. Ломача. Фирма эта торговала различными изделиями, необходимыми для авиации.

На следующий день Глеб Евгеньевич пошёл к Ломачу. Это был богатый человек. Он и сказал Котельникову:

— Я охотно возьмусь за это хорошее дело. Мы построим ваш ранец и парашют, и я всё-таки добьюсь испытания его военным ведомством. А там увидим...

У изобретателя в то время не было никакого другого выхода, как пойти на соглашение с капиталистом. Уже на следующий день дело завертелось полным ходом. Закупили материю и всё необходимое для изготовления парашюта «РК-1». Это означало — «русский, котельниковский, модель первая».

Тем временем Ломач отправился в военное ведомство и в конце концов добился разрешения на проведение испытаний «РК-1». Он хлопотал, чтобы его разрешили испытать с аэроплана, но на это военные начальники не согласились. Было дано разрешение сбросить манекен с корзины аэростата.

Котельников обрадовался даже этому, так как в случае удачных испытаний с манекеном, намеревался сам прыгнуть с аэростата. Правда, он имел в виду предварительно испытать парашют «РК-1» на прочность.

Его испытали на автомобиле. На полном ходу мгновенно распустился прикреплённый позади машины парашют. Он заставил автомобиль не только замедлить ход, но и во-

все остановиться. Когда осмотрели после этого «РК-1», на нём не обнаружили ни малейшего повреждения.

Недалеко от Гатчины есть деревня, которая носит название Котельниково. Так её называли в честь конструктора первого парашюта. А раньше она называлась Салюзи. И переименовали её уже в годы Советской власти, потому что здесь 6 июня 1912 года были произведены генеральные испытания нового парашюта.

Собралось тогда очень много народа. Манекен, весивший 80 килограммов, уложили в корзину аэростата и приказали лётчику Горшкову столкнуть его на заданной высоте.

Звучит команда:

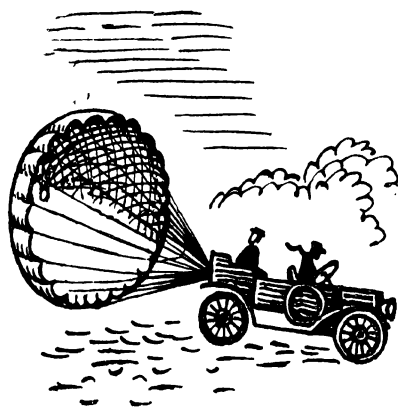
- В корзине!
- Есть в корзине!
- На поясных!
- Есть на поясных!
- Отдай поясные!

И аэростат оторвался от земли, медленно поднимаясь вверх. Он уже на высоте 100 метров. А вот и заданная высота — 200 метров.

Все находившиеся на испытаниях неотрывно смотрели вверх. Оттуда был подан сигнал, а вслед за ним из корзины вытолкнули манекен. Две-три секунды он камнем летит к земле. Потом в небе вспыхивает маленькое белое облачко, которое тут же начинает вытягиваться в большую грушу, а вслед за этим превращается в огромный зонт... Манекен уже не летит камнем — медленно приближается к площадке. Многочисленная толпа встретила приземление манекена криками «ура!».

В тот памятный летний день испытания проводились много раз и с разных высот. Парашют «РК-1» действовал безотказно. Хотел было прыгнуть и сам Котельников, но ему не разрешили.

Примечательно, что среди массы людей, приехавших на испытания, не было лишь представителей военного ведомства. Парашют их не интересовал. Генералы и другие

военные чиновники не только не помогали Котельникову, а даже ставили рогатки при проведении опытов.

Окрылённые успехом Котельников и Ломач решили попробовать парашют на живом человеке. Но об этом никто и слышать не хотел.

Тогда Ломач решил провести испытания за границей. У Котельникова не было денег на поездку в Париж. Уехал с двумя парашютами Ломач, а вместе с ним согласившийся совершить прыжок отчаянно смелый студент Петербургской консерватории Владек Оссовский.

Прыжки предполагали совершить в Париже всё с той же Эйфелевой башни.

Ещё жива была память у парижан о гибели изобретателя — портного Рейхельта. Какой же ещё безумец решился играть со своей жизнью, думали они.

В назначенное время вокруг Эйфелевой башни негде было яблоку упасть. Уже появился на высотной площадке Оссовский. На нём был надет ранец-парашют «РК-1». Считанные минуты оставались до прыжка, как вдруг явилась полиция и запретила Оссовскому прыгать.

— Ведь полиция не дальше как вчера дала разрешение, — волновался Ломач.

— Вчера дала, а сегодня отменила... — ответил полицейский офицер.

Начали искать другое место. И нашли его во французском городе Руане. Здесь находился большой мост через реку Сену. Он пролегал над рекой на высоте 53 метров.

Оссовский взобрался на перила. Замерла многотысячная толпа. Секунда, другая, и Владек рванулся с моста.

Люди вздохнули все разом, когда над сказочным смельчаком, точно огромный цветок, распустился купол парашюта.

Громкими кликами французы приветствовали нашего земляка, а он спускался всё ниже, и вот, наконец, коснулся величавой Сены. Тотчас к нему ринулось несколько катеров.

В тот день Владек совершил ещё несколько прыжков, доказав, какими выдающимися спасательными свойствами обладает парашют Котельникова.

Ломач, зная, что русское военное ведомство не склонно принять

на вооружение лётчиков изобретение Котельникова, продал в Европе два парашюта, которые привёз из России. И вскоре за границей стали появляться парашюты, которые были очень схожи с котельниковскими.

Да, трудно было в России изобретателям.

— Лишь после Великого Октября я принялся за создание новых типов парашютов различного назначения, — рассказывал Глеб Евгеньевич. — Были созданы грузовые парашюты, так называемые коллективные, когда при катастрофе огромный парашют мог спасти целую кабину с несколькими авиаторами... Работы было много, и работалось с удивительным, радостным подъёмом.

...Сто лет назад, 30 января 1872 года, родился этот замечательный энтузиаст, который подарил миру парашют, спасший тысячи жизней авиаторов.

Рис. Г. Моисеевой

Загадочная картинка

Художник А. Курушин на этих рисунках допустил 20 несовпадений. Найдите их.

Генеральная уборка была в полном разгаре.

Мама в папиных джинсах протираала окна. Бабушка пылесосила мебель. Таньку, мою сестру, вместе с дедушкой отправили в сквер, — «чтобы не путались под ногами». Дедушка у нас слабенький: после «обширного», как он сам хвастался, инфаркта. Всего несколько дней назад он начал осторожно выходить в сквер, опираясь на мамин пёстрый зонтик.

И вот, когда я уже размазал мастику по всему полу, вдруг вернулась Танька. И лицо у неё такое виноватое, умоляющее — пять секунд до рева. Комкает платё и молчит.

Мама, как увидела её, сразу закричала с подоконника:

— Что с дедушкой? Где ты его бросила одного? Что с ним?

Танька совсем испугалась, стоит и заикается:

— Деда просит десять рублей... Он в скверике... Нам надо... надо за щеночка... Десять рублей дедушка просит...

Тут мама вытерла со лба пот (между прочим, той самой тряпкой, которой протираала стёкла), облегчённо вздохнула и сказала Таньке:

— Ну и напугала ты меня! Что за манера, ей богу... Вон лежит коричневый кошелёк, отдай дедушке в руки, не потеряй... Фу ты, как я испугалась.

У Таньки лицо стало восторженное. Она схватила с буфета кошелёк и вылетела на лестницу с неистовым криком: «Дедушка! Деда!!», хотя сквер от нашей лестницы — минут десять дедушкиной ходьбы.

Я, конечно, ринулся было за ней, но в комнату вошла бабушка, ткнула меня носом в «полотёр», а сама стала наступать на маму:

— Ты на что это десятку бросила Татьяне? Интересно знать!.. — Бабушка сузила глаза и стала посверкивать ими.

Мама подышала на стекло, потёрла его и спокойно ответила:

— Папе понадобились деньги. Десятка. Он Татьяну прислал:

— Слышала, — ядовито сказала бабушка. — Щенка, значит, заводите.

Мама всплеснула руками, заморгала, ахнула на всю квартиру:

— Господи! Щенка? А я и не поняла сразу!

А дальше был крик в два голоса — бабушкин потолок, мамин потолокше.

Бабушка кричала, что мама сама всучила деньги за какого-то облезлого щенка, она потакает всяким глупостям; и без проклятого щенка в квартире грязь непролазная. А теперь ей, бабушке, остаётся, мол, бежать в Архангельск, где её ждёт Виталий...

Виталий — это мой дядя. Виталий — заядлый рыболов, в комнате у него всякие снасти, вёдра и всякое такое. И он давно уже мечтает о прекрасной породистой собаке, которую можно было бы возить на выставки и собирать золотые медали горстями. Очевидно, «грязь непролазная», о которой говорила бабушка, — это скорее всего у Виталика. (Когда я кончу школу, я обязательно буду жить как Виталик.)

Я хотел было вмешаться и сказать им про это, но мама не дала мне говорить. Она заявила бабушке, что в доме ни за что не будет щенка. Ноги его не будет в доме, а если бабушка мечтает жить у Виталия в кошмарном общежитии, — то пожалуйста...

В это время раздался звонок, и мама, в сердцах бросив тряпку на пол, сама пошла открывать дверь, оттолкнув меня в сторону.

Бабушка тоже не устояла на месте и без всяких запятых и точек всё упрекала маму и грозила дедушке, что уйдёт куда глаза глядят. И тоже сказала, что «ноги не будет», только я не понял, чьей ноги, потому что дедушка уже спустил на пол коричневый пушистый комочек точно такого цвета, как мамин кошелёк, который дедушка вернул маме (надо полагать, без той десятки).

Бабушка закричала деду: «Не наклоняйся!!» В последний раз взвизгнула, вытаращив глаза на щенка и на растерянную маму, схватила щенка двумя руками (чтобы выбросить на лестницу?!), и вдруг прижала его к груди:

— Ты моя птичка...

Почему «птичка» — я, правду сказать, не понял. Но зато понял, что всё будет в порядке.

Дедушку скорей-скорей посадили в его большое кресло и дали ему нитроглицерин. Он его сунул в рот, закрыл глаза и сказал блаженно:

— Только я не знаю, мальчик это или девочка.

— Ах, всё равно, — беспечно сказала мама и налила щенку полное блюдо молока.

— Холодного?! — опять закричала бабушка, и мама покорно побежала в кухню подогреть молоко.

Потом все в полном оцепенении смотрели, как щенок лакает молоко, брызгаясь и тряся хвостиком. А Танька стояла на корточках и всхлипывала от восторга.

Наевшись, щенок боком, перебирая толстыми лапками, побежал по влажному полу, схватил мамину тряпку и поволок её куда-то, спотыкаясь и падая.

Мы так счастливо смеялись, как будто у нас навсегда кончились все неприятности.

В дверях заскрежетал ключ. Это папа, конечно.

Он вошёл недовольный — значит, голодный. И злой, когда увидел, что генеральную уборку не закончили к его приходу.

— Опять в моих джинсах, — мимоходом бросил он маме, швырнул портфель на заставленный перевёрнутыми стульями стол и спросил всех сразу: — Обедать будем скорей всего ночью?

И только тут заметил, что все молчат, ничего не делают. И чего-то ждут, и у всех какой-то вид.

— Что такое? — спросил он сердито. — Опять у нашего круглого отличника двойки?

Я обиделся, ничего не ответил и начал изо всех сил натирать пол.

— Ну, по какому предмету?

— Да, — невольно ответила мама. — То есть нет. Мы купили щенка...

— Что? — даже как-то зарычал папа. — Мала семейка? Ни за что! И так теснота несусветная. Ад какой-то!

Бабушка забурчала было насчёт тесноты несусветной и Виталика, но

в это время откуда-то выкатился наш коричневый лохматый комочек с пуговичными, как у Таниного медвежонка, глазами и тонко с хрипом затявkal на папу.

Дедушка прямо-таки закашлялся от хохота. А папа сказал брезгливо:

— Да он грязный. И лапы в мастике.

Потом поднял щенка под животик на своей большой ладони и сказал:

— Кобелёк. — И деловитым голосом громко и неодобрительно добавил: — Дворянга.

Разумеется, если бы это оказался щенок английского дога — пятни-

стого, с разноцветными глазами, настоящих викторианских кровей, — о таких догах написано в книжке у Виталика, — то папа отнёсся бы к его появлению в нашем доме более дружелюбно...

А может быть, и нет. Скорее всего — нет. Потому что он спросил Таньку, как она хочет назвать свою собачку. А когда Танька заволиновалась, заторопилась и сказала: «Руслан и Людмила», то папа смеялся громче всех. И ещё до обеда сам выкупал Руслана в тёплой воде с маминым дефицитным шампунем из ГДР.

Рис. П. Вискова

А. КРАСАВИН

Зилиная песенка

Старушка-вьюга суетится,

Ей, не сидится, ей не спится.

И весь-то день,

и всю-то ночь

Не надоест

крупу толочь,

Не надоест

муку мести

И тонко

песенку плести.

А песенка её из свиста!

В ней всяких переливов триста!

В ней всяких переходов,

двести!

В ней добрые

и злые вести.

А больше всё-таки

хороших!

В той песенке

из белых мошек,

В той песенке

из мотыльков,

И синих-синих

угольков,

И звонких-звонких

ручейков.

ПЕРЕХОД ОТВАЖНЫХ

Этим летом из таёжного посёлка Сангар, расположенного в низовьях Лены, отошла дюралева лодка типа «Казанка». Инженеры Якутского управления кабельных и радиорелейных магистралей О. Скурский и В. Бахматов отправились в поход по маршруту... Якутия — Ленинград. Лена, Илим, Ангара, Енисей, Чулым, Обь, Иртыш, Исеть, Кама, Вол-

га... Это далеко не полный перечень рек, по которым прошли отважные путешественники. И вот лодка причалила к набережной Невы. В маршрутной книжке сделана последняя запись.

Путешественники посвятили свой переход 50-летию комсомола Якутии. Они прошли за 105 дней по рекам страны 13 тысяч километров.

ЛЬВОВ УЗНАЮТ ПО... УСАМИ

Существует метод определения личности по гологу или отпечаткам пальцев. Последним событием в этой области явилось открытие метода отождествления по... усам. Правда, пока это открытие применимо только ко львам.

Основываясь на многочисленных наблюдениях, кенийские учёные утверждают, что «список отличительных признаков царя зверей должен начинаться с описания строения его усов».

НА ДВУХ МАТЕРИКАХ

Крупнейший город Турции Стамбул — единственный город на земле, одновременно расположенный на европейском и азиатском материках.

Большие трудности возникают в нём с перевозкой людей и транспорта через пролив Босфор, делящий город на европейскую и азиатскую части. Для этой цели ис-

пользуются паромы. Но уже сейчас на подъездах к европейскому берегу Босфора наблюдаются огромные колонны различных машин, водителям которых приходится по суткам дожидаться своей очереди.

МОСТ НАД... МОРЕМ!

В Дании планируется мост длиной в 18 километров, который соединит два крупнейших датских острова. Мост будет двухъярусным. На нижнем этаже — железнодорожные пути, на верхнем — автострада. Сооружение поднимется над уровнем моря на 68 метров.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ХХІ ВЕКА

Так в Японии называют проектируемую железнодорожную линию Токио—Осака. Расстояние в 500 километров будет преодолевать всего за час. Втрое быстрее, чем проходят этот путь современные поезда. Испытания сверхскоростного поезда начнутся уже в этом году, а к концу десятилетия новая линия вступит в строй.

Понятно, с каким нетерпением ожидают в Турции ввода в эксплуатацию моста через Босфор. Это будет четвёртый в мире по размерам подвешенный мост. Окончание строительства моста планируется на 1973 год.

...исполнилось 250 лет со дня появления уличного фонаря в нашем городе? Первые светильники были изготовлены мастером машинного дела Петлингом и вспыхнули в Санкт-Петербурге осенью 1721 года. В 1914 году на улицах Петрограда уже насчитывалось 1180 электрических дуговых фонарей, 1840 ламп накаливания и около 8 тысяч газовых фонарей-рожинов. Сейчас на ленинградских улицах — 81 тысяча электрических «звёзд». Из них более трети — ртутные лампы. Всё это ожерелье города автоматика включает за... 10 минут!

...в нашем городе насчитывается около 380 мостов разнообразных конструкций — каменных, деревянных, металлических, железобетонных и несколько десятков железнодорожных? Ленинград называют «музеем мостов», и это вполне оправдано. Город на Неве, как энциклопедия, иллюстрирует историю русского мостостроения на протяжении более двух столетий. Здесь всякие мосты — от небольших деревянных и каменных XVIII века до современных гигантов из стали и железобетона. Самые длинные пролёты сре-

ди ленинградских мест — 136 метров — имеет Большой Охтинский мост. Вес каждого пролёта достигает 3660 тонн.

...всего в нескольких километрах от Туапсе в горных лесах можно встретить свободно разгуливающих африканских павианов гамадрилов? Проводится эксперимент по акклиматизации тропических животных в условиях юга нашей страны. Летом более двадцати обезьян были привезены из Африки в девственные леса по побережью Чёрного моря и выпущены на свободу. Главная забота сейчас — зимовка обезьян. Чтобы укрыть их от непогоды, построены деревянные доми-

ки, вырыты утеплённые траншеи. Ими с удовольствием пользуются животные. Производится подкормка обезьян специальным высококалорийным кормом.

...учёными, при помощи охотников, проведена «перепись» лесных обитателей в районах Северо-Запада страны? Установлено, что в Ленинградской области в настоящее время «проживают» 10—12 тысяч горностаев, 5—6 тысяч норок, тысяча выдр, до 4 тысяч куниц, до 7 тысяч чёрных хорей, много лисиц, белок, зайцев, бобров, ондатры, енотовидных собак. Лосей

в нашей области насчитывается 25—27 тысяч. По сравнению с предыдущими «переписями» численность почти всех промысловых животных увеличилась.

...более 6 миллиардов книг приобрели в прошлом пятилетии читатели нашей страны? Эта цифра называлась на проходившем в Минске Всесоюзном слёте пропагандистов книги.

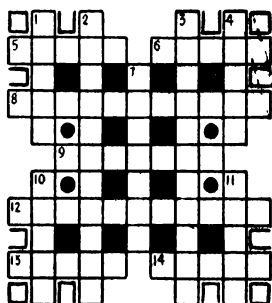

...в Тихом океане тёплое течение Куросиво отклонилось от обычного курса? Одно из его ответвлений сместилось ближе к побережью, другая ветвь по неизвестным причинам повернула в обратную сторону. В результате на западном побережье Японии наблюдается необычно высокий морской прилив. Он на 20—30 сантиметров выше обычного.

...житель Кракова (Польша) Януш Кукульский собрал уникальную коллекцию футбольных значков? Их у него около 10 тысяч. Есть даже значки, выпущенные ещё в прошлом веке. Наибольшее количество — 1713 — это значки чехословацких футбольных клубов разных лет. Значков из Советского Союза у Януша пока 415, но он надеется, что его коллекция будет пополняться.

‘АНАГРАММА’ ПОСЛОВИЦЫ

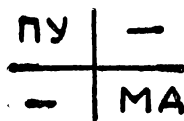
Дана пословица: «У хорошей артели все кони в теле».

Требуется, используя все без исключения её буквы, составить ряд слов (чем меньше их будет, тем лучше). В составленных вами словах, следовательно, будет тоже 26 букв.

Если решить задачу в такой форме вам не удастся, воспользуйтесь «подсказкой»:

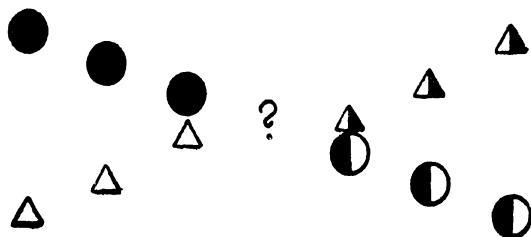
Л — — О, — Р —, — Е —, Р — —
— А, О — — Н, — Х —, С — — И

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

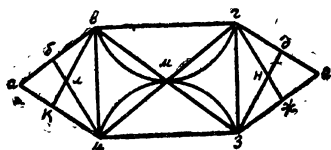
Какие слоги нужно написать вместо чёрточек, чтобы можно было прочесть четыре слова — два по горизонтали и два по вертикали?

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Как вы думаете, какое изображение может быть в середине ряда? Постройте изображение четвёртого члена.

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Фигура, которую вы здесь видите, довольно проста... Однако её невозможно нарисовать «одним росчерком» — не отрывая карандаша и не проводя дважды по линиям.

Если две какие-то точки фигуры соединить, проведя ещё одну линию, задача станет разрешимой.

Сообразите, какие две точки нужно соединить, проведя ещё одну линию, чтобы фигуру можно было нарисовать одним росчерком.

ПЯТЬ СЛОВ

Замените чёрточки буквами, чтобы получился столбик из пяти пятибуквенных слов:

— АЗА —
— ГУТ —
— МЩИ —
— УМЫ —
— СТО —

Подбирая слова, имейте в виду, что из первых и последних букв их должна сложиться фамилия поэта...

Содержание

Мы помним. Режу хлеб, сыпая крохи... Стихи А. Петрова	1
Они были первыми. Очерк Вл. Дмитриевского	3
Бананы и лимоны. Повесть Владимира Арро	16
Подарки к Новому году. Стихотворение Н. Слепаковой	33
Про маленькую Димити. Белое и красное. Пол и потолок. Стихи Уильяма Джея Смита	34
Земля над облаками. Рассказ Н. Сладкова	36
Стойбище. Случай. Праздник. Стихи Антонины Кымытваль	42
Что такое агрегатирование? Статья Вадима Белоусова .	44
Морозное утро. Стихотворение Анатолия Матюнина	50
Всегда при мне. Очерк Эд. Арепина	51
Загадочная картинка художника А. Курушина	57
Ни за что. Рассказ М. Довлатовой	58
Зимняя песенка. Стихотворение А. Красавина	60
Пестрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Л. Каминского «Весёлые каникулы».

На 2-й странице обложки песня композитора Б. Грабовского на слова Вали Румянцевой «Очень хочется жить».

На 3-й странице обложки — Календарь памятных дат.

На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Вечерний коток».

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, В. Н. Суслов (редактор-составитель).

Адрес редакции: Ленинград, (191023) Фонтанка, 59, комн. 444, телефон 12-87-55

Сдано в набор 2/XII 1971 г. Подписано к печати 10/I 1972 г. 4 п. л. М-18422. Зак. № 499. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата Ленинград, Фонтанка, 57

памятные даты * памятные даты

125 лет тому назад, 11 февраля 1847 года, родился знаменитый американский изобретатель Томас Альва Эдисон.

В 11 лет Эдисон работает разносчиком газет. В 16 лет он — телеграфист. Тогда же делает своё первое изобретение.

Редное трудолюбие и упорство позволили Эдисону сделать очень много.

Всего за свою жизнь Эдисон получил только в США 1200 патентов на изобретения.

✱

Многие изобретения Эдисона производили настоящие сенсации. В 1878 году на заседании французской Академии наук физик де Монсель демонстрировал фонограф Эдисона. Один из академиков вскочил и возмущённый начал кричать: «Негодяй, плут, вы думаете, что мы позволим чреовещателю надуть нас!»

И даже после того как комиссия экспертов признала изобретение, упрямый академик не сдавался: «Невозможно допустить, — говорил он, — что презренный металл воспроизводит благородный человеческий голос!»

В 1908 году Эдисон послал фонограф великому русскому писателю Л. Н. Толстому. Благодаря фонографу до нас дошёл голос В. И. Ленина.

Первая модель фонографа.

Работоспособность и упорство Эдисона были поразительны. Один из инженеров представил Эдисону три варианта машины и сказал, что вряд ли можно сделать что-нибудь ещё. Проекты не удовлетворили Эдисона, но он ничего не ответил инженеру, а через два дня принёс ему 50 вариантов этой же машины, сделанных им самим.

Эдисон уважал тех, кто достиг успехов своим трудом. Сыны богатых родителей старались завершить образование в лаборатории Эдисона, ставшего знаменитостью. Один из таких белоручек отказался вычистить прибор, нужный для опыта. «Я изобретатель, а не чистильщик», — заявил он. Эдисон случайно услышал эти слова. «Я сделаю это за вас, — ответил он. — Я всегда был только чернорабочим и ничем иным». Вычистив прибор, Эдисон сказал покрасневшему юноше: «Теперь ваша очередь. Осталось изобрести что-нибудь гениальное».

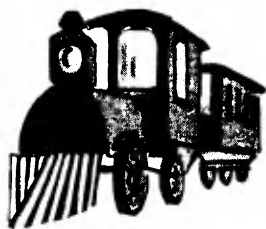
Электрическая лампа с цоколем и патроном.

Эдисон любил повторять: «Я не люблю бездельников, презирающих чёрную работу». Вот ещё высказывания Эдисона:

«Работа делает дух человека сильным, а его мысли чистыми».

«Все хорошие возможности, заложенные в человеческой душе, развиваются во время работы».

Электрический локомотив.

ЦЕНА 10 КОП.